

Поколение

ИСКУССТВО ПОБЕЖДАТЬ

Пропаганда во время Второй мировой войны

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочери горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради получасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в собесе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делают. Можете навещать на выходных или забирать на каникулы». Этот вариант был абсолютно неприемлем и в тот же вечер Светлана с Дмитрием решили продать дом в области и переехать в город. Нужно было искать новый детский сад для Насти и новую школу для старшей дочери Иры.

Дмитрий с женой сидели с картой и смотрели, куда удобнее ездить. В итоге получился сад на Черной речке и с сентября они начали туда ходить. Они ни разу не оставляли там Настю на ночь. Их спрашивали, зачем они каждое утро мучают ребенка ранними подъемами и бесконечным ожиданием в пробках. Но они уверены, что ребенок должен знать, что он нужен семье, и подрывать это доверие нельзя.

Когда у Насти начались проблемы, Ира видела, что что-то происходит, но родители ничего ей не говорили. И причину столь внезапного переезда не объясняли. Конечно, она обижалась, не хотела менять школу, оставлять друзей. Когда, наконец, нужно было объяснить, папа был на работе, и Светлане пришлось разговаривать с дочкой одной. Она сказала: «Понимаешь, пока не было Насти, мы общались только с тобой одной семь лет. А теперь у тебя есть сестра, и она хочет общаться со всеми нами. Сейчас ей нужно помочь. У нас два варианта: либо переехать, либо отдать ее в интернат». Ира в недоумении начала: «Как в интернат?» и через секунду очень уверенно спросила: «В какую школу я пойду?»

А тем временем обследование продолжались. В ЛОР НИИ им предложили сделать кохлеарную имплантацию. Захватывая тонкий слой черепа, в кожу головы рядом с ухом вживляют маленьких приемник, который соединен магнитом с микрофоном, расположенным в ушной раковине. Этот аппарат подходит и для тотально неслышащих людей. Тогда подобная методика не была широко известной, и они ничего про нее не знали. Слышали только, что это чуть ли не трепанация черепа и что у новшества есть второе неофициальное название «дырка в голове». Они познакомились с родителями, которые уже прошли через это, в течение нескольких месяцев наблюдали за прогрессом прооперированных детей и приняли решение тоже подать документы на операцию. Все, кто узнавали об их намерении, всплескивали руками, кричали «ИЗВЕРГИ!» и даже не пытались понять, что это был единственный выход.

Операция была сделана. Это означало, что у Насти начинается новая жизнь. Нужно было заново учиться слушать, заново учиться говорить. Учиться говорить в пять с половиной лет. Конечно, она смогла бы объяснить, что она хочет, но мы живем в мире, где обычные люди друг друга слушать не хотят,

а когда человек с проблемами слуха начинает говорить и делает это не так, как мы, разбираться, что он сказал, никто не будет». Светлана была готова, к тому, что ей придется заниматься с дочкой каждый день. Она уверена, что перед тем, как решиться на операцию, родители должны задать себе вопрос: зачем им это? Если они хотят, чтобы ребенок мог общаться с людьми, если они готовы жертвовать собой, то имплантация, несомненно, поможет.

Потом снова начались проблемы с детским садом. Из этого пришлось уйти, потому что «с такими детьми они не работают», а в других удивлялись, как это маме пришла в голову идея обратиться к ним. Через некоторое время они смогли попасть в детский сад № 41, где Настя занимается и сейчас. Где работают опытные логопеды и воспитатели. На тот момент Настя не выговаривала многие звуки. С каждым месяцем речь становится все лучше, каждый день она узнает хотя бы пару новых слов. Каждое сказанное слово — результат огромной работы.

Вопросы «Как тебя зовут?» и «Назови, пожалуйста, свое имя» — для слабослышащего крайне несхожи. Если фраза построена на общепринятых выражениях, он сможет понять ее, стоит чуть усложнить — он будет вырывать из контекста знакомые слова, не более. Русский язык очень не прост, для таких детей он преподается как иностранный. Все распределяется по темам: дом, квартира, семья, еда, животные, одежда. Еще есть интересная методика по изучению букв — тактильная азбука — каждой букве присваивается определенное движение.

«Она часто проглатывает окончания, путает склонения, части речи. «Папа пришла». Папа девочка? «Нет. Папа пришел». Она очень торопится, и получается каша, нужно постоянно останавливать ее и просить говорить медленнее. Когда думает, что говорит, то уже нормально. Ира говорит быстро и младшая пытается так же, но у нее пока не получается. Она очень хочет общаться, и ее голос не умолкает.

Вдруг Дмитрий обращается ко мне: «Вы потом без диктофона у нее спросите, сколько за четыре года она пробежала кругов по кабинетам врачей». Опустив глаза, Светлана ответила: «Это все проходят, это нормально».

У Иры сейчас переходный возраст, иногда случаются ссоры с родителями. Настя может сказать: «Так, все! Не ори, Ира хорошая, Ира моя сестра!» Она никому не позволит ругать Иру, будь то мама, папа или подружка.

По примеру Иры, Настя тоже пошла в художественную школу и сейчас заканчивает второй класс. Там учатся обычные дети, в основном первоклассники, проблем в общении нет. Зрительное восприятие у Насти развито до мелочей. Светлана говорит, что она с удовольствием фотографирует, и иногда такие кадры делает, на которые они втроем не способны. «У Насти идеальное чувство кадра, она отлично видит, какой ракурс выбрать, с какой стороны лучше показать объект. Из ее поля зре-

ния ничего не уходит. По мимике человека она точно узнает его настроение. Если вдруг расшалилась, на нее только посмотришь — сразу же успокаивается». Настя отлично читает по губам и на занятиях в детском саду логопедам приходится либо закрывать лицо руками или вообще поворачиваться спиной.

Настя нормально слышит только два года, за это время всего не нагнать. У них есть разрешение комиссии на речевую школу, но мама понимает, что девочке будет трудно там учиться, а если она будет в отстающих учениках, то у нее не будет желания заниматься. Однажды на занятиях отработывали букву Щ. Мальчик Саша, с которым сидела Настя, хорошо ее проговаривал, а она нет. Учительница имела неосторожность сообщить об этом детям, и когда мама дома стала повторять упражнения, девочка начала плакать и говорить, что прекратит занятия, затем ушла в другую комнату и стала что-то делать. На следующий день учительница отметила, что сегодня буква звучит лучше. «Она не приемлет никакого сравнения. Да, покапризничает, но потом все равно все сделает. Сама», — говорит Светлана. Правда, когда мама дома хочет закрепить усвоенное на занятиях, девочка говорит: «Ты мама, ты не учитель, я с тобой заниматься не буду!».

Когда Насте делали инвалидность, надо было пройти врача-сурдолога. На прием записались за месяц. Приехав, выяснили, что врач сегодня не принимает. «Зачем же вы берете контактные телефоны пациентов? Я в 6 утра поднимала ребенка?», — возмутилась Светлана. «Ничего, к нам и в 5 утра приезжают. Нормальных детей надо было рожать», — ответила пожилая женщина из регистратуры.

В 1996 году вышел закон, где говорится о том, что ребенка в роддоме должны тщательно обследовать, в том числе проверить слух. Не во всех больницах есть нужное для этого оборудование, поэтому они просто машут погремушкой. Речь у ребенка формируется до трех лет, поэтому имплантировать надо сразу. А Насте сделали операцию в пять с половиной лет, поэтому все так сложно. К тому же срок годности кохлеарного имплантата — шесть лет. Замена стоит 250 тысяч, конечно, за счет родителей.

Светлана ни разу не сказала, что ей было трудно, что ей трудно сейчас, этого не чувствовалось и в интонациях. В самые тяжелые моменты рассказа Дмитрий смотрел на жену и как будто мысленно спрашивал: «Как ты это пережила?» Когда мы вышли из кафе, она, поправляя шапочку на Настинной голове, сказала: «Ну вот, и разве кто-нибудь заметит, что у нее имплантат на голове?» Светлана признает, что люди почти всегда шли им навстречу. Ведь пока в дверь не постучившись, ее не откуют. Они стучали — им открывали.

Светлана ни разу не сказала, что ей было трудно, что ей трудно сейчас, этого не чувствовалось и в интонациях. В самые тяжелые моменты рассказа

ИСКУССТВО ПОБЕЖДАТЬ

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочери горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате воз-

ятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по

ИСКУССТВО ПОБЕЖДАТЬ

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочери горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный дет-

ский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Пе-

ИСКУССТВО ПОБЕЖДАТЬ

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочери горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Пе-

редалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеозаписи они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради полчасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внешне раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Купали за свои деньги, в собесе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делают. Можете навещать на выходных или забирать на каникулы». Этот вариант был абсолютно неприемлем и в тот же вечер Светлана с Дмитрием решили продать дом в области и переехать в город. Нужно было искать новый детский сад для Насти и новую школу для старшей дочери Иры.

Дмитрий с женой сидели с картой и смотрели, куда удобней ездить. В итоге получили сад на Черной речке и с сентября они начали туда ходить. Они ни разу не оставляли там Настю на ночь. Их спрашивали, зачем они каждое утро мучают ребенка ранними подъемами и бесконечным ожиданием в пробках. Но они уверены, что ребенок должен знать, что он нужен семье, и подорвать это доверие нельзя.

Когда у Насти начались проблемы, Ира видела, что что-то происходит, но родители ничего ей не говорили. И причину столь внезапного переезда не объясняли. Конечно, она обижалась, не хотела менять школу, оставлять друзей. Когда, наконец, нужно было объясниться, папа был на работе, и Светлане пришлось разговаривать с дочкой одной. Она сказала: «Понимаешь, пока не было Насти, мы общались только с тобой одной семь лет. А теперь у тебя есть сестра, и она хочет общаться со всеми нами. Сейчас ей нужно

помочь. У нас два варианта: либо переехать, либо отдать ее в интернат». Ира в недоумении начала: «Как в интернат?» и через секунду очень уверенно спросила: «В какую школу я пойду?»

А тем временем обследования продолжались. В ЛОР НИИ им предложили сделать кохлеарную имплантацию. Захватывая тонкий слой черепа, в кожу головы рядом с ухом вживляют маленьких приемник, который соединен магнитом с микрофоном, расположенным в ушной раковине. Этот аппарат подходит и для totally неслышающих людей. Тогда подобная методика не была широко известной, и они ничего про нее не знали. Слышали только, что это чуть ли не трепанация черепа и что у новшества есть второе неофициальное название «дырка в голове». Они познакомились с родителями, которые уже прошли через это, в течение нескольких месяцев наблюдали за прогрессом прооперированных детей и приняли решение тоже подать документы на операцию. Все, кто узнавали об их намерении, всплескивали руками, кричали «Изверги!» и даже не пытались понять, что это был единственный выход.

Операция была сделана. Это означало, что у Насти начинается новая жизнь. Нужно было заново учиться слушать, заново учиться говорить. Учиться говорить в пять с половиной лет. «Конечно, она смогла бы объяснить, что она хочет, но мы живем в мире, где обычные люди друг друга слушать не хотят, а когда человек с проблемами слуха начинает говорить и делает это не так, как мы, разбираться, что он сказал, никто не будет». Светлана была готова, к тому, что ей придется заниматься с дочкой каждый день. Она уверена, что перед тем, как решиться на операцию, родители должны задать себе вопрос: зачем им это? Если они хотят, чтобы ребенок мог общаться с людьми, если они готовы жертвовать собой, то имплантация, несомненно, поможет.

Потом снова начались проблемы с детским садом. Из этого пришлось уйти, потому что «с такими детьми они не работают», а в других удивлялись, как это маме пришла в голову идея обратиться к ним. Через некоторое время они смогли попасть в детский сад № 41, где Настя занимается и сейчас. Где работают опытные логопеды и воспитатели. На тот момент Настя не

Искусство: Новое Слово

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочки горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного чело-

века, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради полчасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно разда-

ющиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в собесе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делают. Можете навещать на выходных или забирать на каникулы». Этот вариант был абсолютно неприемлем и в тот же вечер Светлана с Дмитрием решили продать дом в области и переехать в город. Нужно было искать новый детский сад для Насти и новую школу для старшей дочери Иры.

Дмитрий с женой сидели с картой и смотрели, куда удобней ездить. В итоге получился сад на Черной речке и с сентября они начали туда ходить. Они ни разу не оставляли там Настю на ночь. Их спрашивали, зачем они каждое утро мучают ребенка ранними подъемами и бесконечным ожиданием в пробках. Но они уверены, что ребенок должен знать, что он нужен семье, и подрывать это доверие нельзя.

Когда у Насти начались проблемы, Ира видела, что что-то происходит, но родители ничего ей не говорили. И причину столь внезапного переезда не объ-

ясняли. Конечно, она обижалась, не хотела менять школу, оставлять друзей. Когда, наконец, нужно было объясниться, папа был на работе, и Светлане пришлось разговаривать с дочкой одной. Она сказала: «Понимаешь, пока не было Насти, мы общались только с тобой одной семь лет. А теперь у тебя есть сестра, и она хочет общаться со всеми нами. Сейчас ей нужно помочь. У нас два варианта: либо переехать, либо отдать ее в интернат». Ира в недоумении начала: «Как в интернат?» и через секунду очень уверенно спросила: «В какую школу я пойду?»

А тем временем обследования предложили сделать кохлеарную имплантацию. Захватывая тонкий слой черепа, в кожу головы рядом с ухом вживляют маленький приемник, который соединен магнитом с микрофоном, расположенным в ушной раковине. Этот аппарат подходит и для totally неслышащих людей. Тогда подобная методика не была широко известной, и они ничего про нее не знали. Слышали только, что это чуть ли не трепанация черепа и что у новшества есть второе неофициальное название «дырка в голове». Они познакомились с родителями, которые уже прошли через это, в течение нескольких месяцев наблюдали за прогрес-

ИСКУССТВО: Как пропагандистские плакаты сражались во время Второй мировой войны

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочки горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного чело-

века, которому бы она не улыбнулась. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради полчасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в собесе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им ответили: «Отдавайте в интернат. А чего

переживаете, все так делают. Можете навещать на выходных или забирать на каникулы». Этот вариант был абсолютно неприемлем и в тот же вечер Светлана с Дмитрием решили продать дом в области и переехать в город. Нужно было искать новый детский сад для Насти и новую школу для старшей дочери Иры.

Дмитрий с женой сидели с картой и смотрели, куда удобней ездить. В итоге получился сад на Черной речке и с сентября они начали туда ходить. Они ни разу не оставляли там Настю на ночь. Их спрашивали, зачем они каждое утро мучают ребенка ранними подъемами и бесконечным ожиданием в пробках. Но они уверены, что ребенок должен знать, что он нужен семье, и подрывать это доверие нельзя.

Когда у Насти начались проблемы, Ира видела, что что-то происходит, но родители ничего ей не говорили. И причину столь внезапного переезда не объясняли. Конечно, она обижалась, не хотела менять школу, оставлять друзей. Когда, наконец, нужно было объясниться, папа был на работе, и Светлане пришлось разговаривать с дочкой одной. Она сказала: «Понимаешь, пока не было Насти, мы общались только с тобой одной семь лет. А теперь у тебя есть сестра, и она хочет общаться со всеми нами. Сейчас ей нужно помочь. У нас два варианта: либо переехать, либо отдать ее в интернат». Ира в недоумении начала: «Как в интернат?» и через секунду очень уверенно спросила: «В какую школу я пойду?»

А тем временем обследования предложили сделать кохлеарную имплантацию. Захватывая тонкий слой черепа, в кожу головы рядом с ухом вживляют маленький приемник, который соединен магнитом с микрофоном, расположенным в ушной раковине. Этот аппарат подходит и для totally неслышащих людей. Тогда подобная методика не была широко известной, и они ничего про нее не знали. Слышали только, что это чуть ли не трепанация черепа и что у новшества есть второе неофициальное название «дырка в голове». Они познакомились с родителями, которые уже прошли через это, в течение нескольких месяцев наблюдали за прогрессом прооперированных детей и приняли решение тоже подать документы на операцию. Все, что узнавали об их намерении, всплескивали руками, кричали «Изверги!» и даже не пытались понять, что это был единственный выход.

Операция была сделана. Это означало, что у Насти начинается новая жизнь. Нужно было заново учиться слушать, заново учиться говорить. Учиться говорить в пять с половиной лет. «Конечно, она смогла бы объяснить, что она хочет, но мы живем в мире, где обычные люди друг друга слушать не хотят, а когда человек с проблемами слуха начинает говорить и делает это не так, как мы, разбираться, что он сказал, никто не будет». Светлана была готова, к тому, что ей придется заниматься с дочкой каждый день. Она уверена, что перед

Искусство побеждать

Война художников пропагандистских плакатов

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочки горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать

болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради получасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в себе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делают. Можете навещать на выходных или забирать на каникулы». Этот вариант был абсолютно неприемлем и в тот же вечер Светлана с Дмитрием решили продать дом в области и переехать в город. Нужно было искать новый детский сад для Настю и новую школу для старшей дочери Иры.

Дмитрий с женой сидели с картой и смотрели, куда удобнее ездить. В итоге получился сад на Черной речке и с сентября они начали туда ходить. Они ни разу не оставляли там Настю на ночь. Их спрашивали, зачем

они каждое утро мучают ребенка ранними подъемами и бесконечным ожиданием в пробках. Но они уверены, что ребенок должен знать, что он нужен семье, и подрывать это доверие нельзя.

Когда у Настю начались проблемы, Ира видела, что что-то происходит, но родители ничего ей не говорили. И причину столь внезапного переезда не объясняли. Конечно, она обижалась, не хотела менять школу, оставлять друзей. Когда, наконец, нужно было объясниться, папа был на работе, и Светлане пришлось разговаривать с дочкой одной. Она сказала: «Понимаешь, пока не было Настю, мы общались только с тобой одной семь лет. А теперь у тебя есть сестра, и она хочет общаться со всеми нами. Сейчас ей нужно помочь. У нас два варианта: либо переехать, либо отдать ее в интернат». Ира в недоумении начала: «Как в интернат?» и через секунду очень уверенно спросила: «В какую школу я пойду?»

А тем временем обследования продолжались. В ЛОР НИИ им предложили сделать кохлеарную имплантацию. Захватывая тонкий слой черепа, в кожу головы рядом с ухом вживляют маленький приемник, который соединен магнитом с микрофоном, расположенным в ушной раковине. Этот аппарат подходит и для тотально неслышащих людей. Тогда подобная методика не была широко известной, и они ничего про нее не знали. Слышали только, что это чуть ли не трепанация черепа и что у новшества есть второе неофициальное название «дырка в голове». Они познакомились с родителями, которые уже прошли через это, в течение нескольких месяцев наблюдали за прогрессом прооперированных детей и приняли решение тоже подать документы на операцию. Все,

Искусство все побеждать

Искусство есть, искусство пить, искусство спать

Большие приключения ждут самых маленьких авантюристов

Большое искусство станет доступным самым маленьким ценителям

1 колонка —
3–4 строчки

2 колонки —
2–3 строчки

3 колонки —
1–2 строчки

больше 4 колонок —
1 строчка

Материалы без иллюстраций

Большое искусство станет доступным самым маленьким ценителям

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочки горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради получасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в собесе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им

Большое искусство станет доступным самым маленьким ценителям

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочки горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради получасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в собесе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им

Большие приключения ждут самых маленьких авантюристов

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочки горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради получасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в собесе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им

ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делают. Можете навещать на выходных или забирать на каникулы». Этот вариант был абсолютно неприемлем и в тот же вечер Светлана с Дмитрием решили продать дом в области и переехать в город. Нужно было искать новый детский сад для Насти и новую школу для старшей дочери Иры.

Дмитрий с женой сидели с картой и смотрели, куда удобнее ездить. В итоге получился сад на Черной речке и с сентября они начали туда ходить. Они ни разу не оставляли там Настю на ночь. Их спрашивали, зачем они каждое утро мучают ребенка ранними подъемами и бесконечным ожиданием в пробках. Но они уверены, что ребенок должен знать, что он нужен семье, и подрывать это доверие нельзя.

Когда у Насти начались проблемы, Ира видела, что что-то происходит, но родители ничего ей не говорили. И причину столь внезапного переезда не объясняли. Конечно, она обижалась, не хотела менять школу, оставлять друзей. Когда, наконец, нужно было объяснить, папа был на работе, и Светлане пришлось разговаривать с дочкой одной. Она сказала: «Понимаешь, пока не было Насти, мы общались только с тобой одной семь лет. А теперь у тебя есть сестра, и она хочет общаться со всеми нами. Сейчас ей нужно помочь. У нас два варианта: либо переехать, либо отдать ее в интернат». Ира в недоумении начала: «Как в интернат?» и через секунду очень уверенно спросила: «В какую школу я пойду?»

А тем временем обследования продолжались. В ЛОР НИИ им предложили сделать кохлеарную имплантацию. Захватывая тонкий слой черепа, в кожу головы рядом с ухом вживляют маленький приемник, который соединен магнитом с микрофоном, расположенным в ушной раковине. Этот аппарат подходит и для тотально неслышащих людей. Тогда подобная методика не была широко известной, и они ничего про нее не знали. Слышали только, что это чуть ли не трепанация черепа и что у новшества есть второе неофициальное название «дырка в голове». Они познакомились с родителями, которые уже прошли через это, в течение нескольких месяцев наблюдали за прогрессом прооперированных детей и приняли решение тоже подать документы на операцию. Все, кто узнавали об их намерении, всплескивали руками, крича «Изверги!» и даже не пытались понять, что это был единственный выход.

Операция была сделана. Это означало, что у Насти начинается новая жизнь. Нужно было заново учиться слушать, заново учиться говорить. Учиться говорить в пять с половиной лет. «Конечно, она смогла бы объяснить, что она хочет, но мы живем в мире, где обычные люди друг друга слушать не хотят, а когда человек с проблемами слуха начинает говорить и делает это не так, как мы, разбираться, что он сказал, никто не будет». Светлана была готова, к тому,

Искусство все побеждать

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочери горя-

щие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на своем имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое.

До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради полчасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно разда-

ющиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в собесе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делают. Можете навещать на выходных или забирать на каникулы». Этот вариант был абсолютно неприемлем и в тот же вечер Светлана с Дмитрием решили продать дом в области и переехать в город. Нужно было искать новый детский сад для Насти и новую школу для старшей дочери Иры.

Дмитрий с женой сидели с картой и смотрели, куда удобней ездить. В итоге получился сад на Черной речке и с сентября они начали туда ходить. Они ни

Большие приключения ждут самых маленьких авантюристов

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочери горя-

щие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на своем имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетиче-

ски, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради полчасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в собесе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делают. Можете навещать на выходных или забирать на каникулы». Этот вариант был абсолютно неприемлем и в тот же вечер Светлана с Дмитрием решили продать дом в области и переехать в город. Нужно было искать новый детский сад для Насти и

новую школу для старшей дочери Иры.

Дмитрий с женой сидели с картой и смотрели, куда удобней ездить. В итоге получился сад на Черной речке и с сентября они начали туда ходить. Они ни разу не оставляли там Настю на ночь. Их спрашивали, зачем они каждое утро мучают ребенка ранними подъемами и бесконечным ожиданием в пробках. Но они уверены, что ребенок должен знать, что он нужен семье, и подрывать это доверие нельзя.

Когда у Насти начались проблемы, Ира видела, что что-то происходит, но родители ничего ей не говорили. И причина столь внезапного перепада не объясняли. Конечно, она обижалась, не хотела менять школу, оставлять друзей. Когда, наконец, нужно было объясниться, папа был на работе, и Светлана пришлось разговаривать с дочкой одной. Она сказала: «Понимаешь, пока не было Насти, мы общались только с тобой одной семь лет. А теперь у тебя есть сестра, и она хочет общаться со всеми нами. Сейчас ей нужно помочь. У нас два варианта: либо переехать, либо отдать ее в интернат». Ира в недоумении начала: «Как в интернат?» и через секунду очень уверенно спросила: «В какую школу я пойду?»

А тем временем обследования продолжались. В ЛОР НИИ им предложили

Большое искусство станет доступным самым маленьким ценителям

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

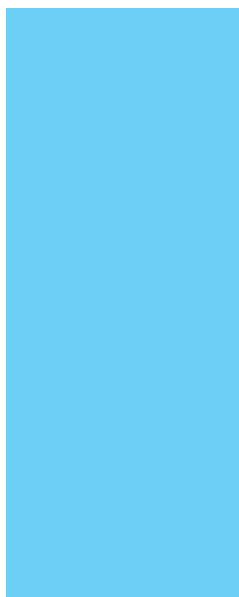
Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая,

очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочери горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

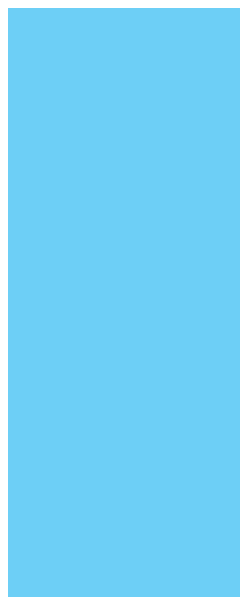
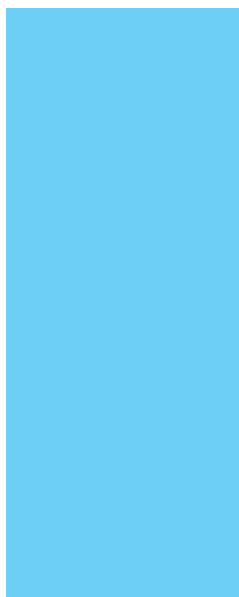
Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее

речь вдруг стала непонятной, на своем имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восстановили, что через две недели после вак-

Форма текста

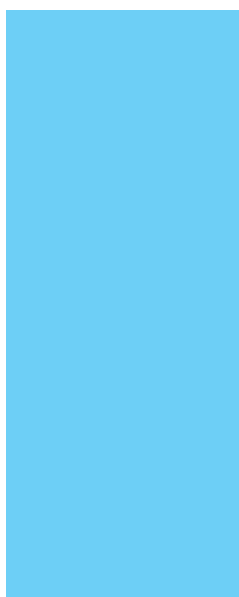
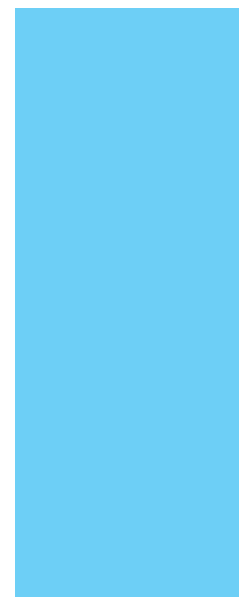
Прямоугольная

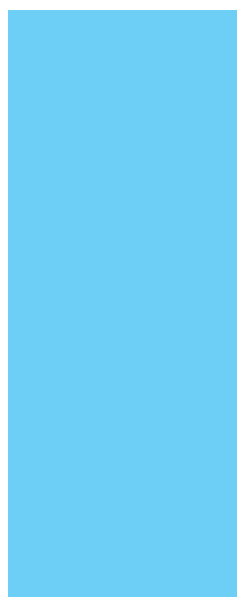
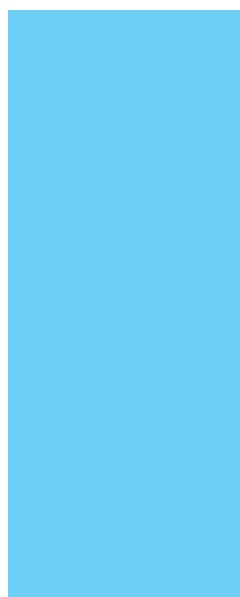
L-образная

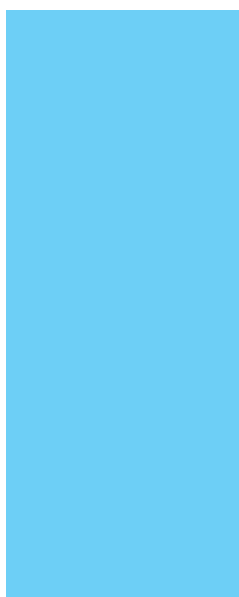
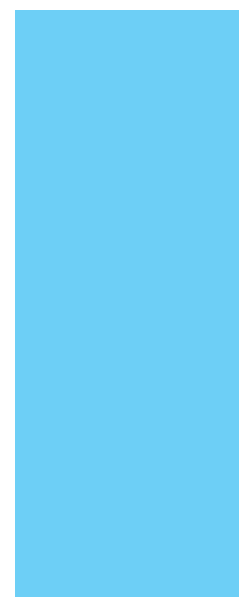
Обратная L-образная

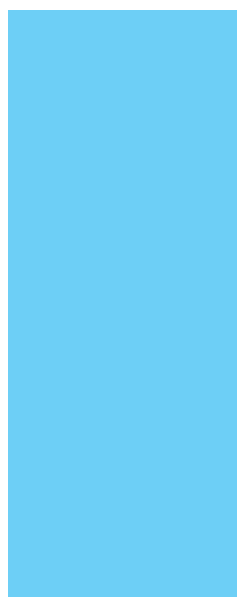
U-образная

Сендвич

Собацьи лапки

Не стоит так делать даже под страхом смерти

Разбиение на колонки

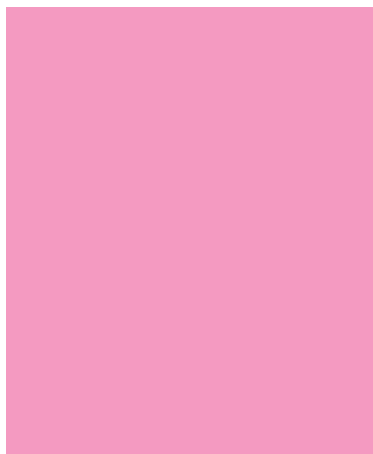

Большие приключения ждут самых маленьких авантюристов

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочки горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем и может занимать от строк

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности,

Большое искусство станет доступным самым маленьким ценителям

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем и может занимать от строк

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

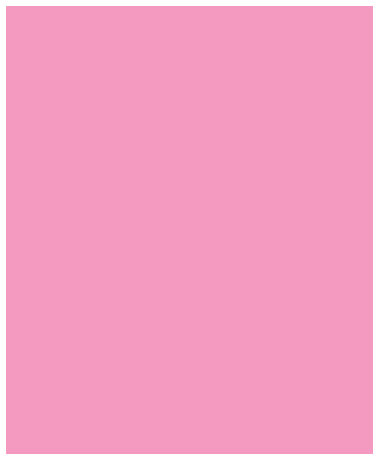
Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочки горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеонаблюдению они с мужем восстановили, что через две недели после вак-

Большие приключения

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочки горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного чело-

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем и может занимать от строк

века, которому бы она не улыбнулась. Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от при-

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем и может занимать от строк

Большое искусство станет доступным самым маленьким ценителям

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

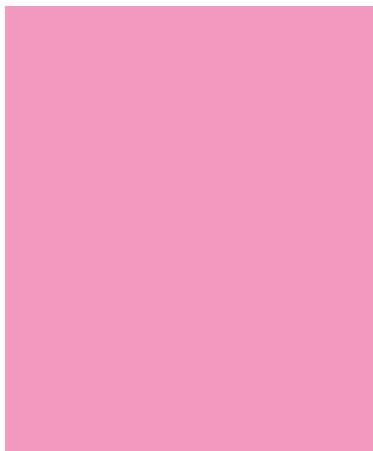
Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочки горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеонаблюдению они с мужем восстановили, что через две недели после вак-

Искусство все побеждать

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочери горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее вы-

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем и может занимать от строк

дает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное раз-

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем и может занимать от строк

витие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, В ЛОР НИИ смогли поставить диа-

гноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради получасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в собесе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делают. Можете навещать на выходных или забирать на

Искусство все побеждать

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы

Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочери горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Подпись под фотографией набирается меньшим

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное раз-

витие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое.

Искусство все побеждать

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают

не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочери горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее вы-

дает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

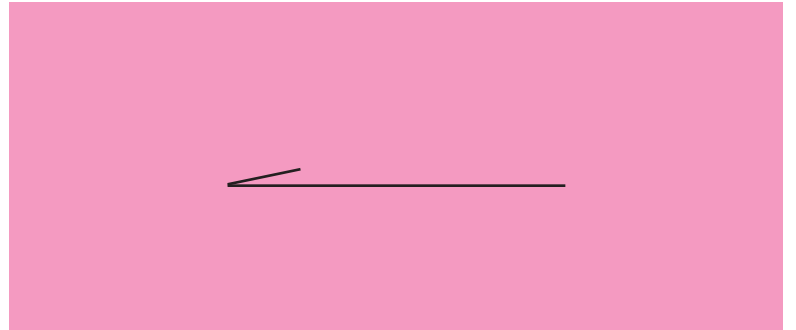
Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать бо-

Искусство все побеждать

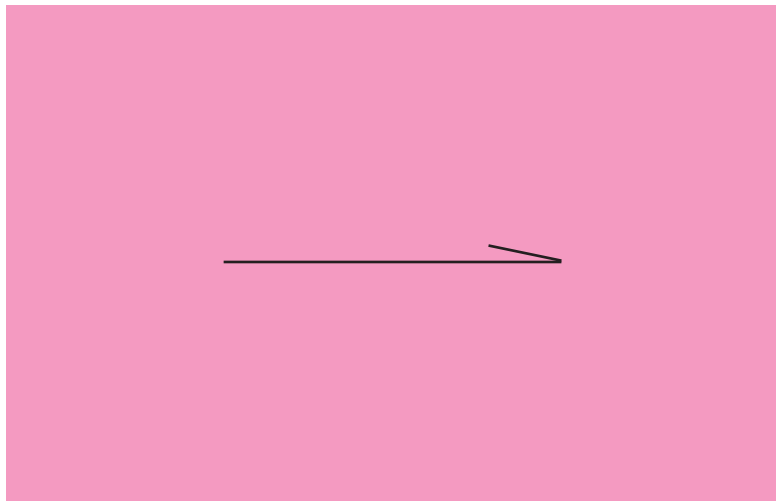
«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают

не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочки горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в инклюзивный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее вы-

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем

Искусство все побеждать

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

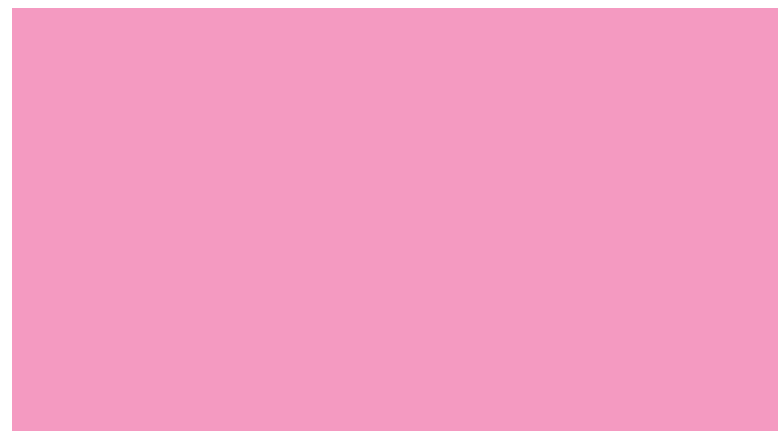
Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу при-

дет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочки горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в инклюзивный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с на-

Искусство все побеждать

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочки горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в инклюзивный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее вы-

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем

дает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому

что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетиче-

ски, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради получасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

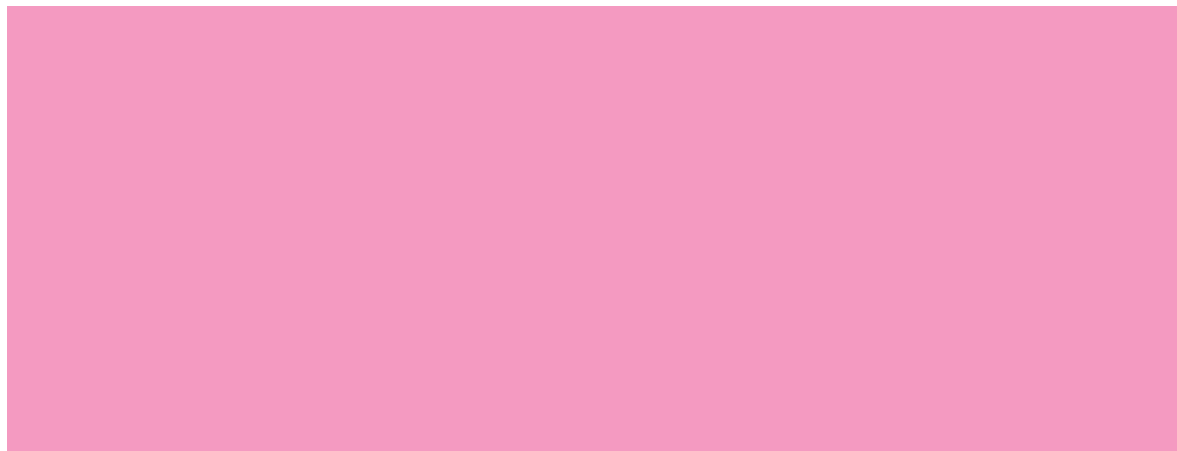
На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в собесе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делают. Можете навещать на выходных или забирать на каникулы». Этот вариант был абсолютно неприемлем и в тот же вечер Светлана

Искусство все побеждать

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочери горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в инклюзивный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное раз-

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем

витие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в

причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради полчасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в sobесе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им

ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делают. Можете навещать на выходных или забирать на каникулы». Этот вариант был абсолютно неприемлем и в тот же вечер Светлана с Дмитрием решили продать дом в области и переехать в город. Нужно было искать новый детский сад для Насти и новую школу для старшей дочери Иры.

Дмитрий с женой сидели с картой и смотрели, куда удобнее ездить. В итоге получился сад на Черной речке и с сентября они начали туда ходить. Они ни разу не оставляли там Настю на ночь. Их спрашивали, зачем они каждое утро мучают ребенка ранними подъемами и бесконечным ожиданием в пробках. Но они уверены, что ребенок должен знать,

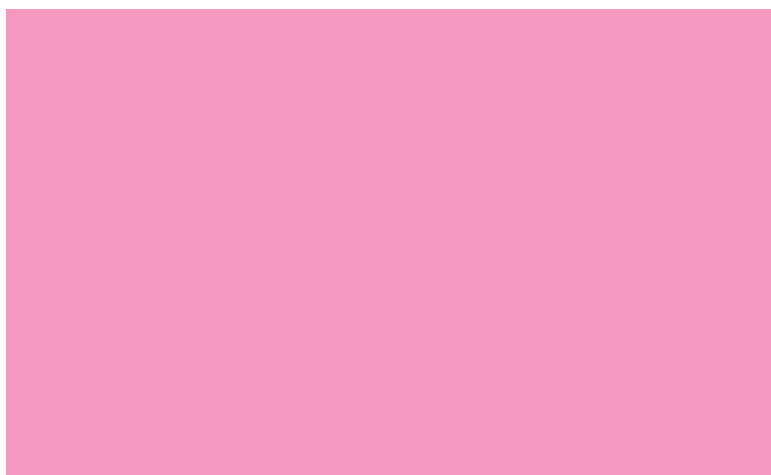
Искусство все побеждать

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочери горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в инклюзивный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с на-

рушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем

считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради полчасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в sobесе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делают. Можете навещать на выходных или забирать на каникулы». Этот вариант был абсолютно неприемлем и в тот же вечер Светлана с Дмитрием решили продать дом в области и переехать в город. Нужно было искать новый детский сад для Насти и новую школу для старшей дочери Иры.

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем. Здесь может быть нереально большая подпись

Искусство все побеждать

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочери горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного чело-

века, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеонаблюдению они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради полчасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно разда-

Большие приключения ждут самых маленьких авантюристов

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочери горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного чело-

века, которому бы она не улыбнулась. Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеонаблюдению они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради получасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в себе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им

ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делают. Можете навещать на выходных или забирать на каникулы». Этот вариант был абсолютно неприемлем и в тот же вечер Светлана с Дмитрием решили продать дом в области и переехать в город. Нужно было искать новый детский сад для Насти и новую школу для старшей дочери Иры.

Дмитрий с женой сидели с картой и смотрели, куда удобнее ездить. В итоге получился сад на Черной речке и с сентября они начали туда ходить. Они сразу не оставляли там Настю на ночь. Их спрашивали, зачем они каждое утро мучают ребенка ранними подъемами и бесконечным ожиданием в пробках. Но они уверены, что ребенок должен знать, что он нужен семье, и подрывать это доверие нельзя.

Когда у Насти начались проблемы, Ира видела, что что-то происходит, но родители ничего ей не говорили. И причину столь внезапного переезда не объясняли. Конечно, она обижалась, не хотела менять школу, оставлять друзей. Когда, наконец, нужно было объяснить, папа был на работе, и Светлане пришлось разговаривать с дочкой одной. Она сказала: «Понимаешь, пока не было Насти, мы общались только с тобой одной семь лет. А теперь у тебя есть сестра, и она хочет общаться со всеми нами. Сейчас ей нужно помочь. У нас два варианта: либо переехать, либо отдать ее в интернат». Ира в недоумении начала: «Как в интернат?» и через секунду очень уверенно спросила: «В какую школу я пойду?»

А тем временем обследования продолжались. В ЛОР НИИ им предложили сделать кохлеарную имплантацию. Захватывая тонкий слой черепа, в кожу головы рядом с ухом вживляют маленький приемник, который соединен магнитом с микрофоном, расположенным в ушной раковине. Этот аппарат подходит и для тотально неслышащих людей. Тогда подобная методика не была широко известной, и они ничего про нее не знали. Слышали только, что это чуть ли не трепанация черепа и что у новшества есть второе неофициальное название «дырка в голове». Они познакомились с родителями, которые уже прошли через это, в течение нескольких месяцев наблюдали за прогрессом прооперированных детей и приняли решение тоже подать документы на операцию. Все, кто узнавали об их намерении, всплескивали руками, кричали «Изверги!» и даже не пытались понять, что это был единственный выход.

Операция была сделана. Это означало, что у Насти начинается новая жизнь. Нужно было заново учиться слушать, заново учиться говорить. Учиться говорить в пять с половиной лет. «Конечно, она смогла бы объяснить, что она хочет, но мы живем в мире, где обычные люди друг друга слушать не хотят, а когда человек с проблемами слуха начинает говорить и делает это не так, как мы, разбираться, что он сказал, никто не будет». Светлана была готова, к тому,

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем. Здесь может быть нереально большая подпись, которая объяснит (или намекнет) почему фото такое гигантское.

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочери горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от при-

Искусство побеждать

Война художников пропагандистских плакатов

вивки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради получасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в беседе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делают. Можете навещать на выходных или забирать на каникулы». Этот вариант был абсолютно неприемлем и в тот же вечер Светлана с Дмитрием решили продать дом в области и переехать в город. Нужно было искать новый детский сад для Насти и новую школу для старшей дочери Иры.

Дмитрий с женой сидели с картой и смотрели, куда удобней ездить. В итоге

получился сад на Черной речке и с сентября они начали туда ходить. Они ни разу не оставляли там Настю на ночь. Их спрашивали, зачем они каждое утро мучают ребенка ранними подъемами и бесконечным ожиданием в пробках. Но они уверены, что ребенок должен знать, что он нужен семье, и подрывать это доверие нельзя.

Когда у Насти начались проблемы, Ира видела, что что-то происходит, но родители ничего ей не говорили. И причину столь внезапного переезда не объясняли. Конечно, она обижалась, не хотела менять школу, оставлять друзей. Когда, наконец, нужно было объясниться, папа был на работе, и Светлане пришлось разговаривать с дочкой одной. Она сказала: «Понимаешь, пока не было Насти, мы общались только с тобой одной семь лет. А теперь у тебя есть сестра, и она хочет общаться со всеми нами. Сейчас ей нужно помочь. У нас два варианта: либо переехать, либо отдать ее в интернат». Ира в недоумении начала: «Как в интернат?» и через секунду очень уверенно спросила: «В какую школу я пойду?»

А тем временем обследования продолжались. В ЛОР НИИ им предложили сделать кохлеарную имплантацию. Захватывая тонкий слой черепа, в кожу головы рядом с ухом вживляют маленьких приемник, который соединен магнитом с микрофоном, расположенным

в ушной раковине. Этот аппарат подходит и для тотально неслышащих людей. Тогда подобная методика не была широко известной, и они ничего про нее не знали. Слышали только, что это чуть ли не трепанация черепа и что у новшества есть второе неофициальное название «дырка в голове». Они познакомились с родителями, которые уже прошли через это, в течение нескольких месяцев наблюдали за прогрессом прооперированных детей и приняли решение тоже подать документы на операцию. Все, кто узнавали об их намерении, всплескивали руками, кричали «Изверги!» и даже не пытались понять, что это был единственный выход.

Операция была сделана. Это означало, что у Насти начинается новая жизнь. Нужно было заново учиться слушать, заново учиться говорить. Учиться говорить в пять с половиной лет. «Конечно, она смогла бы объяснить, что она хочет, но мы живем в мире, где обычные люди друг друга слушать не хотят, а когда человек с проблемами слуха начинает говорить и делает это не так, как мы, разбираться, что он сказал, никто не будет». Светлана была готова, к тому, что ей придется заниматься с дочкой каждый день. Она уверена, что перед тем, как решиться на операцию, родители должны задать себе вопрос: зачем им это? Если они хотят, чтобы ребенок мог общаться с людьми, если они готовы жертвовать собой, то имплантация, несомненно, поможет.

Потом снова начались проблемы с детским садом. Из этого пришлось уйти, потому что «с такими детьми они не работают», а в других удивлялись, как это маме пришла в голову идея обратиться к ним. Через некоторое время они смогли попасть в детский сад № 41, где Настя занимается и сейчас. Где работают опытные логопеды и воспитатели. На тот момент Настя не выговаривала многие звуки. С каждым месяцем речь становится все лучше, каждый день она узнает хотя бы пару новых слов. Каждое сказанное слово — ре-

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем. Здесь может быть нереально большая подпись, которая объяснит (или намекает) почему фото такое гигантское.

Кус-кус Иисус

Война художников плакатов

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочки горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегрированный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеозаписи они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради полчасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в собесе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делают. Можете навещать на выходных или забирать на каникулы». Этот вариант был абсолютно неприемлем и в тот же вечер Светлана с Дмитрием решили продать дом в области и переехать в город. Нужно было искать новый детский сад для Насти и новую школу для старшей дочери Иры.

Дмитрий с женой сидели с картой и смотрели, куда удобней ездить. В итоге получился сад на Черной речке и с сентября они начали туда ходить. Они ни разу не оставляли там Настю на ночь. Их спрашивали, зачем они каждое утро мучают ребенка ранними подъемами и бесконечным ожиданием в пробках. Но они уверены, что ребенок должен знать, что он нужен семье, и подрывать это доверие нельзя.

Когда у Насти начались проблемы, Ира видела, что что-то происходит, но родители ничего ей не говорили. И причину столь внезапного переезда не объясняли. Конечно, она обижалась, не хотела менять школу, оставлять друзей. Когда, наконец, нужно было объясниться, папа был на работе, и Светлане пришлось разговаривать с дочкой одной. Она сказала: «Понимаешь, пока не было Насти, мы общались только с тобой одной семь лет. А теперь у тебя есть сестра, и она хочет общаться со всеми нами. Сейчас ей нужно помочь. У нас два варианта: либо переехать, либо отдать ее в интернат». Ира в недоумении начала: «Как в интернат?» и через секунду очень уверенно спросила: «В какую школу я пойду?»

А тем временем обследования продолжались. В ЛОР НИИ им предложили сделать кохлеарную имплантацию. Захватывая тонкий слой черепа, в кожу головы рядом с ухом вживляют маленьких приемник, который соединен магнитом с микрофоном, расположенным в ушной раковине. Этот аппарат подходит и для totally неслышащих людей. Тогда подобная методика не была широко известной, и они ничего про нее не знали. Слышали только, что это чуть ли не трепанация черепа и что у новшества есть второе неофициальное название «дырка в голове». Они познакомились с родителями, которые уже прошли через это, в течение нескольких месяцев наблюдали за прогрессом прооперированных детей и приняли решение тоже подать документы на операцию. Все, кто узнавали об их намерении, всплескивали руками, кричали «Изверги!» и даже не пытались понять, что это был единственный выход.

Кус-кус Иисус

Новые истории о старом знакомом

Известный ученый рассказывает невероятные вещи

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочки горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегрированный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеозаписи они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради получасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлана пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в собесе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делают. Можете навещать на выходных или забирать на каникулы». Этот вариант был абсолютно неприемлем и в тот же вечер Светлана с Дмитрием решили продать

дом в области и переехать в город. Нужно было искать новый детский сад для Насти и новую школу для старшей дочери Иры.

Дмитрий с женой сидели с картой и смотрели, куда удобнее ездить. В итоге получился сад на Черной речке и с сентября они начали туда ходить. Они ни разу не оставляли там Настю на ночь. Их спрашивали, зачем они каждое утро мучают ребенка ранними подъемами и бесконечным ожиданием в пробках. Но они уверены, что ребенок должен знать, что он нужен семье, и подбивать это доверие нельзя.

Когда у Насти начались проблемы, Ира видела, что что-то происходит, но родители ничего ей не говорили. И причину столь внезапного переезда не объясняли. Конечно, она обижалась, не хотела менять школу, оставлять друзей. Когда, наконец, нужно было объясниться, папа был на работе, и Светлане пришлось разговаривать с дочкой одной. Она сказала: «Понимаешь, пока не было Насти, мы общались только с тобой одной семь лет. А теперь у тебя есть сестра, и она хочет общаться со всеми нами. Сейчас ей нужно помочь. У нас два варианта: либо переехать, либо отдать ее в интернат». Ира в недоумении начала: «Как в интернат?» и через секунду очень уверенно спросила: «В какую школу я пойду?»

А тем временем обследования продолжались. В ЛОР НИИ им предложили сделать кохлеарную имплантацию. Захватывая тонкий слой черепа, в кожу головы рядом с ухом вживляют маленьких приемник, который соединен магнитом с микрофоном, расположенным в ушной раковине. Этот аппарат подходит и для totally неслышающих людей. Тогда подобная методика не была широко известной, и они ничего про нее не знали. Слышали только, что это чуть ли не трепанация черепа и что у новшества есть второе неофициальное название «дырка в голове». Они познакомились с родителями, которые уже прошли через это, в течение нескольких месяцев наблюдали за прогрессом прооперированных детей и приняли решение тоже подать документы на операцию. Все, кто узнавали об их намерении, всплескивали руками, кричали «Изверги!» и даже не пытались понять, что это был единственный выход.

Операция была сделана. Это означало, что у Насти начинается новая жизнь. Нужно было заново учиться слушать, заново учиться говорить. Учиться говорить в пять с половиной лет. «Конечно, она смогла бы объяснить, что она хочет, но мы живем в мире, где обычные люди друг друга слушать не хотят, а когда человек с проблемами слуха начинает говорить и делает это не так, как мы, разбираться, что он сказал, никто не будет». Светлана была готова, к тому, что ей придется заниматься с дочкой каждый день. Она уверена, что перед тем, как решиться на операцию, родители должны задать себе вопрос: зачем им это? Если они хотят, чтобы ребенок мог общаться с людьми, если они готовы жертвовать собой, то имплантация, несомненно, поможет.

Потом снова начались проблемы с детским садом.

Из этого пришлось уйти, потому что «с такими детьми они не работают», а в других удивлялись, как это маме пришла в голову идея обратиться к ним. Через некоторое время они смогли попасть в детский сад № 41, где Настя занимается и сейчас. Где работают опытные логопеды и воспитатели. На тот момент Настя не выговаривала многие звуки. С каждым месяцем речь становится все лучше, каждый день она узнает хотя бы пару новых слов. Каждое сказанное слово — результат огромной работы.

Вопросы «Как тебя зовут?» и «Назови, пожалуйста, свое имя» — для слабослышащего крайне несхожи. Если фраза построена на общепринятых выражениях, он сможет понять ее, стоит чуть усложнить — он будет вырывать из контекста знакомые слова, не более. Русский язык очень не прост, для таких детей он преподается как иностранный. Все распределяется по темам: дом, квартира, семья, еда, животные, одежда. Еще есть интересная методика по изучению букв — тактильная азбука — каждой букве присваивается определенное движение.

«Она часто проглатывает окончания, путает склонения, части речи. «Папа пришла». Папа девочка? «Нет. Папа пришел». Она очень торопится, и получается каша, нужно постоянно останавливать ее и просить говорить медленнее. Когда думает, что говорит, то уже нормально. Ира говорит быстро и младшая пытается так же, но у нее пока не получается. Она очень хочет общаться, и ее голос не умолкает.

Вдруг Дмитрий обращается ко мне: «Вы потом без диктофона у нее спросите, сколько за четыре года она пробежала кругов по кабинетам врачей». Опустив глаза, Светлана ответила: «Это все проходят, это нормально».

У Иры сейчас переходный возраст, иногда случаются ссоры с родителями. Настя может сказать: «Так, все! Не ори, Ира хорошая, Ира моя сестра!» Она никому не позволит ругать Иру, будь то мама, папа или подружка.

По примеру Иры, Настя тоже пошла в художественную школу и сейчас заканчивает второй класс. Там учатся обычные дети, в основном первоклассники, проблем в общении нет. Зрительное восприятие у Насти развито до мелочей. Светлана говорит, что она с удовольствием фотографирует, и иногда такие кадры делает, на которые они втроем не способны. «У Насти идеальное чувство кадра, она отлично видит, какой ракурс выбрать, с какой стороны лучше показать объект. Из ее поля зрения ничего не уходит. По мимике человека она точно узнает его настроение. Если вдруг расшалилась, на нее только посмотришь — сразу же успокаивается». Настя отлично читает по губам и на занятиях в детском саду логопедам приходится либо закрывать лицо руками или вообще поворачиваться спиной.

Настя нормально слышит только два года, за это время всего не нагнать. У них есть разрешение комиссии на речевую школу, но мама понимает, что девочке будет трудно там учиться, а если она будет в отстаю-

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем. Здесь может быть нереально большая подпись, которая объяснит почему фото такое гигантское.

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочки горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате взяты дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради полчасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в собесе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делают. Можете навещать на выходных или забирать на каникулы». Этот вариант был абсолютно неприемлем и в тот же вечер Светлана с Дмитрием решили продать дом в области и переехать в город. Нужно было искать новый детский сад для Насти и

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем. Здесь может быть нереально большая подпись, которая объяснит (или намекает) почему фото такое гигантское.

Искусство побеждать

Война художников пропагандистских плакатов

новую школу для старшей дочери Иры.

Дмитрий с женой сидели с картой и смотрели, куда удобней ездить. В итоге получился сад на Черной речке и с сентября они начали туда ходить. Они ни разу не оставляли там Настю на ночь. Их спрашивали, зачем они каждое утро мучают ребенка ранними подъемами и бесконечным ожиданием в пробках. Но они уверены, что ребенок должен знать, что он нужен семье, и подрывать это доверие нельзя.

Когда у Насти начались проблемы, Ира видела, что что-то происходит, но родители ничего ей не говорили. И причину столь внезапного переезда не объясняли. Конечно, она обижалась, не хотела менять школу, оставлять дру-

зей. Когда, наконец, нужно было объяснить, папа был на работе, и Светлане пришлось разговаривать с дочкой одной. Она сказала: «Понимаешь, пока не было Насти, мы общались только с тобой одной семь лет. А теперь у тебя есть сестра, и она хочет общаться со всеми нами. Сейчас ей нужно помочь. У нас два варианта: либо переехать, либо отдать ее в интернат». Ира в недоумении начала: «Как в интернат?» и через секунду очень уверенно спросила: «В какую школу я пойду?»

А тем временем обследования продолжались. В ЛОР НИИ им предложили сделать кохлеарную имплантацию. Захватывая тонкий слой черепа, в кожу головы рядом с ухом вживляют малень-

ких приемник, который соединен магнитом с микрофоном, расположенным в ушной раковине. Этот аппарат подходит и для тотально неслышащих людей. Тогда подобная методика не была широко известной, и они ничего про нее не знали. Слышали только, что это чуть ли не трепанация черепа и что у новшества есть второе неофициальное название «дырка в голове». Они познакомились с родителями, которые уже прошли через это, в течение нескольких месяцев наблюдали за прогрессом прооперированных детей и приняли решение тоже подать документы на операцию. Все, кто узнавали об их намерении, всплескивали руками, кричали «Изверги!» и даже не пытались понять, что это был единственный выход.

Операция была сделана. Это означало, что у Насти начинается новая жизнь. Нужно было заново учиться слушать, заново учиться говорить. Учиться говорить в пять с половиной лет. Конечно, она смогла бы объяснить, что она хочет, но мы живем в мире, где обычные люди друг друга слушать не хотят, а когда человек с проблемами слуха начинает говорить и делает это не так, как мы, разбираться, что он сказал, никто не будет». Светлана была готова, к тому, что ей придется заниматься с дочкой каждый день. Она уверена, что перед тем, как решиться на операцию, родители должны задать себе вопрос: зачем им это? Если они хотят, чтобы ребенок мог общаться с людьми, если они готовы жертвовать собой, то имплантация, несомненно, поможет.

Потом снова начались проблемы с детским садом. Из этого пришлой уйти, потому что «с такими детьми они не работают», а в других удивлялись, как это маме пришла в голову идея обратиться к ним. Через некоторое время они смогли попасть в детский сад № 41, где Настя занимается и сейчас. Где работают опытные логопеды и воспитатели. На тот момент Настя не выговаривала многие звуки. С каждым месяцем речь становится все лучше, каждый день она узнает хотя бы пару новых слов. Каждое сказанное слово — результат огромной работы.

Вопросы «Как тебя зовут?» и «Назови, пожалуйста, свое имя» — для слабослышащего крайне несхожи. Если фраза построена на общепринятых выражениях, он сможет понять ее, стоит чуть усложнить — он будет вырывать из контекста знакомые слова, не более. Русский язык очень не прост, для таких детей он преподается как иностранный. Все распределяется по темам: дом, квартира, семья, еда, животные, одежда. Еще есть интересная методика по изучению букв — тактильная азбука — каждой букве присваивается определенное движение.

«Она часто проглатывает окончания, путает склонения, части речи. «Папа пришла». Папа девочка? «Нет. Папа пришел». Она очень торопится, и получается каша, нужно постоянно останавливать ее и просить говорить медленнее. Когда думает, что говорит, то уже нормально. Ира говорит быстро и младшая пытается так же, но у нее пока не получается. Она очень хочет общаться, и ее голос не умолкает.

Вдруг Дмитрий обращается ко мне: «Вы потом без диктофона у нее спросите, сколько за четыре года она про-

Искусство побеждать

Война художников пропагандистских плакатов

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочки горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради получасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в собесе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делают. Можете навещать на выходных или забирать на каникулы». Этот вариант был абсолютно неприемлем и в тот же вечер Светлана с Дмитрием решили продать дом в области и переехать в город. Нужно было искать новый детский сад для Насти и

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем. Здесь может быть нереально большая подпись, которая объяснит (или намекает) почему фото такое гигантское.

новую школу для старшей дочери Иры. Дмитрий с женой сидели с картой и смотрели, куда удобней ездить. В итоге получился сад на Черной речке и с сентября они начали туда ходить. Они ни разу не оставляли там Настю на ночь. Их спрашивали, зачем они каждое утро мучают ребенка ранними подъемами и бесконечным ожиданием в пробках. Но они уверены, что ребенок должен знать, что он нужен семье, и подрывать это доверие нельзя.

Когда у Насти начались проблемы, Ира видела, что что-то происходит, но родители ничего ей не говорили. И причину столь внезапного переезда не объясняли. Конечно, она обижалась, не хотела менять школу, оставлять дру-

зей. Когда, наконец, нужно было объясниться, папа был на работе, и Светлане пришлось разговаривать с дочкой одной. Она сказала: «Понимаешь, пока не было Насти, мы общались только с тобой одной семь лет. А теперь у тебя есть сестра, и она хочет общаться со всеми нами. Сейчас ей нужно помочь. У нас два варианта: либо переехать, либо отдать ее в интернат». Ира в недоумении начала: «Как в интернат?» и через секунду очень уверенно спросила: «В какую школу я пойду?»

А тем временем обследования продолжались. В ЛОР НИИ им предложили сделать кохлеарную имплантацию. Захватывая тонкий слой черепа, в кожу головы рядом с ухом вживляют малень-

ких приемник, который соединен магнитом с микрофоном, расположенным в ушной раковине. Этот аппарат подходит и для тотально неслышащих людей. Тогда подобная методика не была широко известной, и они ничего про нее не знали. Слышали только, что это чуть ли не трепанация черепа и что у новшества есть второе неофициальное название «дырка в голове». Они познакомились с родителями, которые уже прошли через это, в течение нескольких месяцев наблюдали за прогрессом прооперированных детей и приняли решение тоже подать документы на операцию. Все, кто узнавали об их намерении, всплескивали руками, кричали «Изверги!» и даже не пытались понять, что это был единственный выход.

Операция была сделана. Это означало, что у Насти начинается новая жизнь. Нужно было заново учиться слушать, заново учиться говорить. Учиться говорить в пять с половиной лет. «Конечно, она смогла бы объяснить, что она хочет, но мы живем в мире, где обычные люди друг друга слушать не хотят, а когда человек с проблемами слуха начинает говорить и делает это не так, как мы, разбираться, что он сказал, никто не будет». Светлана была готова, к тому, что ей придется заниматься с дочкой каждый день. Она уверена, что перед тем, как решиться на операцию, родители должны задать себе вопрос: зачем им это? Если они хотят, чтобы ребенок мог общаться с людьми, если они готовы жертвовать собой, то имплантация, несомненно, поможет.

Потом снова начались проблемы с детским садом. Из этого пришла идея уйти, потому что «с такими детьми они не работают», а в других удивлялись, как это маме пришла в голову идея обратиться к ним. Через некоторое время они смогли попасть в детский сад № 41, где Настя занимается и сейчас. Где работают опытные логопеды и воспитатели. На тот момент Настя не выговаривала многие звуки. С каждым месяцем речь становилась все лучше, каждый день она узнает хотя бы пару новых слов. Каждое сказанное слово — результат огромной работы.

Вопросы «Как тебя зовут?» и «Назови, пожалуйста, свое имя» — для слабослышащего крайне несхожи. Если фраза построена на общепринятых выражениях, он сможет понять ее, стоит чуть усложнить — он будет вырывать из контекста знакомые слова, не более. Русский язык очень не прост, для таких детей он преподается как иностранный. Все распределяется по темам: дом, квартира, семья, еда, животные, одежда. Еще есть интересная методика по изучению букв — тактильная азбука — каждой букве присваивается определенное движение.

«Она часто проглатывает окончания, путает склонения, части речи. «Папа пришла». Папа девочка? «Нет. Папа пришел». Она очень торопится, и получается каша, нужно постоянно останавливать ее и просить говорить медленнее. Когда думает, что говорит, то уже нормально. Ира говорит быстро и младшая пытается так же, но у нее пока не получается. Она очень хочет общаться, и ее голос не умолкает.

Вдруг Дмитрий обращается ко мне: «Вы потом без диктофона у нее спросите, сколько за четыре года она про-

Ярмарка старых вещей

Война художников пропагандистских плакатов

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочери горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интeгративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради полчасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось

работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в собесе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делают. Можете навещать на выходных или забирать на каникулы». Этот вариант был абсолютно неприемлем и в тот же вечер Светлана с Дмитрием решили продать дом в области и переехать в город. Нужно было искать новый детский сад для Насти и новую школу для старшей дочери Иры.

Дмитрий с женой сидели с картой и смотрели, куда удобнее ездить. В итоге получился сад на Черной речке и с сентября они начали туда ходить. Они ни разу не оставляли там Настю на ночь. Их спрашивали, зачем они каждое утро мучают ребенка ранними подъемами и бесконечным ожиданием в пробках. Но они уверены, что ребенок должен знать, что он нужен семье, и подрывать это доверие нельзя.

Когда у Насти начались проблемы, Ира видела, что что-то происходит, но родители ничего ей не говорили. И причину столь внезапного переезда не объясняли. Конечно, она обижалась, не хотела менять школу, оставлять друзей. Когда, наконец, нужно было объ-

ясниться, папа был на работе, и Светлане пришлось разговаривать с дочкой одной. Она сказала: «Понимаешь, пока не было Насти, мы общались только с тобой одной семь лет. А теперь у тебя есть сестра, и она хочет общаться со всеми нами. Сейчас ей нужно помочь. У нас два варианта: либо переехать, либо отдать ее в интернат». Ира в недоумении начала: «Как в интернат?» и через секунду очень уверенно спросила: «В какую школу я пойду?»

А тем временем обследования продолжались. В ЛОР НИИ им предложили сделать кохлеарную имплантацию. Захватывая тонкий слой черепа, в кожу головы рядом с ухом вживляют маленький приемник, который соединен магнитом с микрофоном, расположенным в ушной раковине. Этот аппарат подходит и для тотально неслышащих людей. Тогда подобная методика не была широко известной, и они ничего про нее не знали. Слышали только, что это чуть ли не трепанация черепа и что у новшества есть второе неофициальное название «дырка в голове». Они познакомились с родителями, которые уже прошли через это, в течение нескольких месяцев наблюдали за прогрессом прооперированных детей и приняли решение тоже подать документы на операцию. Все, кто узнавали об их намерении, всплескивали руками, кри-

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем. Здесь может быть нереально большая подпись, которая объяснит (или не объяснит) почему фото такое гигантское.

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочери горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интeгративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на своем имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради получасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в собесе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делают. Можете навещать на выходных или забирать на каникулы». Этот вариант был абсолютно неприемлем и в тот же вечер Светлана с Дмитрием решили продать дом в области и переехать в город. Нужно было искать новый детский сад для Насти и

Ира ела мяч, Ася мыла пол

Война интересов двоюродных сестер накаляется

новую школу для старшей дочери Иры.

Дмитрий с женой сидели с картой и смотрели, куда удобней ездить. В итоге получился сад на Черной речке и с сентября они начали туда ходить. Они ни разу не оставляли там Настю на ночь. Их спрашивали, зачем они каждое утро мучают ребенка ранними подъемами и бесконечным ожиданием в пробках. Но они уверены, что ребенок должен знать, что он нужен семье, и подрывать это доверие нельзя.

Когда у Насти начались проблемы, Ира видела, что что-то происходит, но родители ничего ей не говорили. И причину столь внезапного переезда не объясняли. Конечно, она обижалась, не хотела менять школу, оставлять друзей. Когда, наконец, нужно было объясниться, папа был на работе, и Светлане пришлось разговаривать с дочкой одной. Она сказала: «Понимаешь, пока не было Насти, мы общались только с тобой одной семь лет. А теперь у тебя есть сестра, и она хочет общаться со всеми нами. Сейчас ей нужно помочь. У нас два варианта: либо переехать, либо отдать ее в интернат». Ира в недоумении начала: «Как в интернат?» и через секунду очень уверенно спросила: «В какую школу я пойду?»

А тем временем обследования продолжались. В ЛОР НИИ им предложили сделать кохлеарную имплантацию. Захватывая тонкий слой черепа, в кожу головы рядом с ухом вживляют маленьких приемник, который соединен магнитом с микрофоном, расположенным в ушной раковине. Этот аппарат подходит и для тотально неслышащих людей. Тогда подобная методика не была широко известной, и они ничего про нее не знали. Слышали только, что это чуть ли не трепанация черепа и что у новшества есть второе неофициальное название «дырка в голове». Они познакомились с родителями, которые уже прошли через это, в течение нескольких месяцев наблюдали за прогрессом прооперированных детей и при-

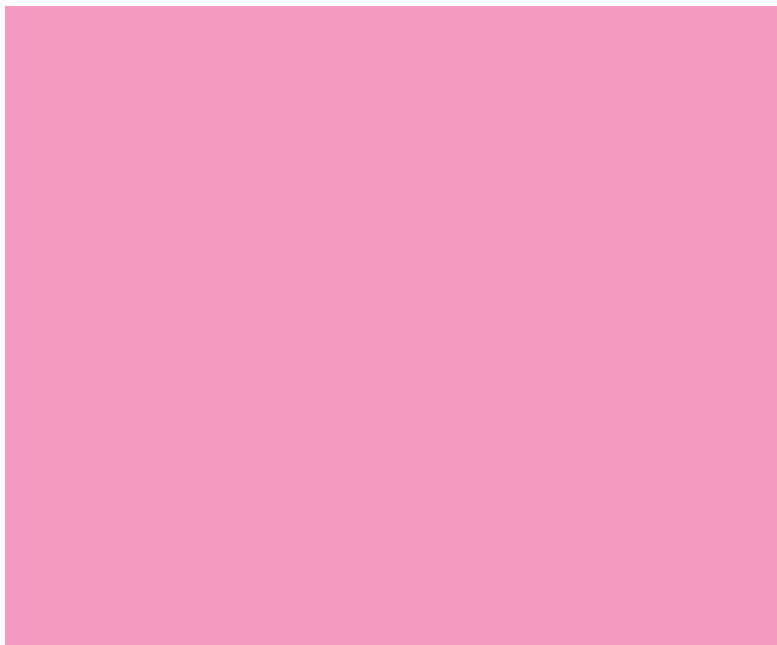
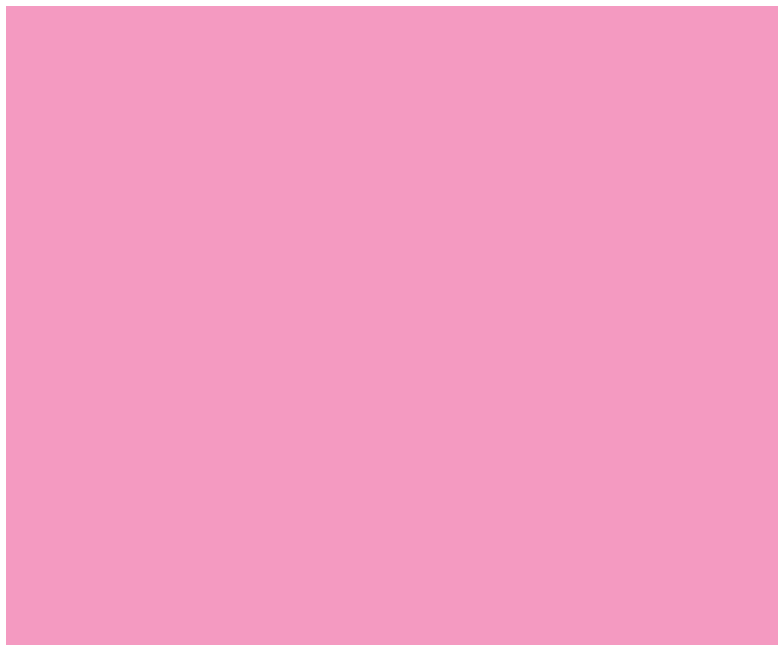
Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем. Здесь может быть нереально большая подпись, которая объяснит (или наметнет) почему фото такое гигантское.

А тем временем обследования продолжались. В ЛОР НИИ им предложили сделать кохлеарную имплантацию. Захватывая тонкий слой черепа, в кожу головы рядом с ухом вживляют маленьких приемник, который соединен магнитом с микрофоном, расположенным в ушной раковине.

Несколько фото

Искусство все побеждать

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах

видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочки горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интeгративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз.

Несколько фото

Искусство все побеждать

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочки горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех

лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восстановили, что через две недели после вак-

Искусство побеждать

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочери горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и обращалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради получасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в собесе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им ответили: «Отдавайте

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем. Здесь может быть нереально большая подпись, которая объяснит (или намекнет) почему фото такое гигантское.

Искусство все побеждать

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочки горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради получасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в беседе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им

ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делают. Можете навещать на выходных или забирать на каникулы». Этот вариант был абсолютно неприемлем и в тот же вечер Светлана с Дмитрием решили продать дом в области и переехать в город. Нужно было искать новый детский сад для Насти и новую школу для старшей дочери Иры.

Дмитрий с женой сидели с картой и смотрели, куда удобней ездить. В итоге получился сад на Черной речке и с сентября они начали туда ходить. Они ни разу не оставляли там Настю на ночь. Их спрашивали, зачем они каждое утро мучают ребенка ранними подъемами и бесконечным ожиданием в пробках. Но они уверены, что ребенок должен знать, что он нужен семье, и подрывать это доверие нельзя.

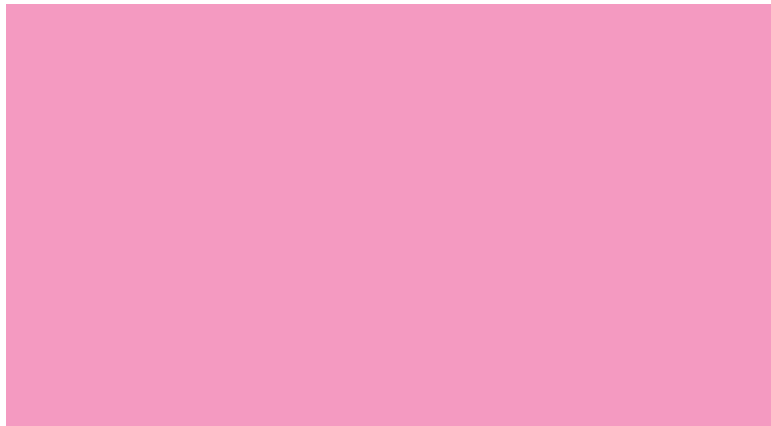
Когда у Насти начались проблемы, Ира видела, что что-то происходит, но родители ничего ей не говорили. И причину столь внезапного переезда не объясняли. Конечно, она обижалась, не хотела менять школу, оставлять друзей. Когда, наконец, нужно было объяснить, папа был на работе, и Светлане пришлось разговаривать с дочкой одной. Она сказала: «Понимаешь, пока не было Насти, мы общались только с тобой одной семь лет. А теперь у тебя есть сестра, и она хочет общаться со всеми нами. Сейчас ей нужно помочь. У нас два варианта: либо переехать, либо отдать ее в интернат». Ира в недоумении начала: «Как в интернат?» и через секунду очень уверенно спросила: «В какую школу я пойду?»

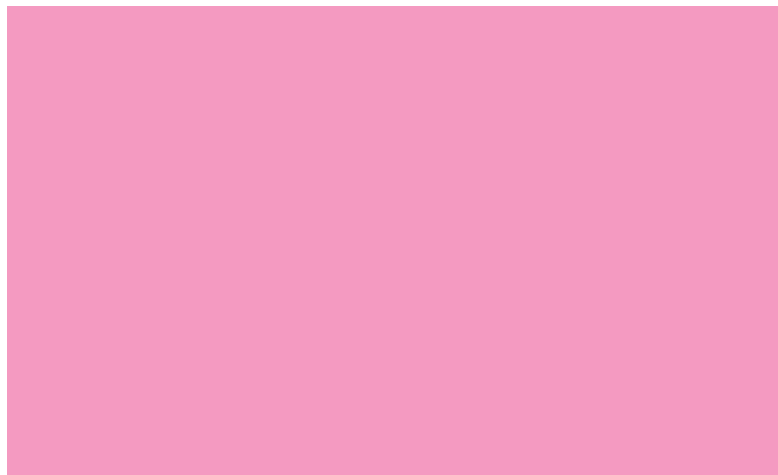
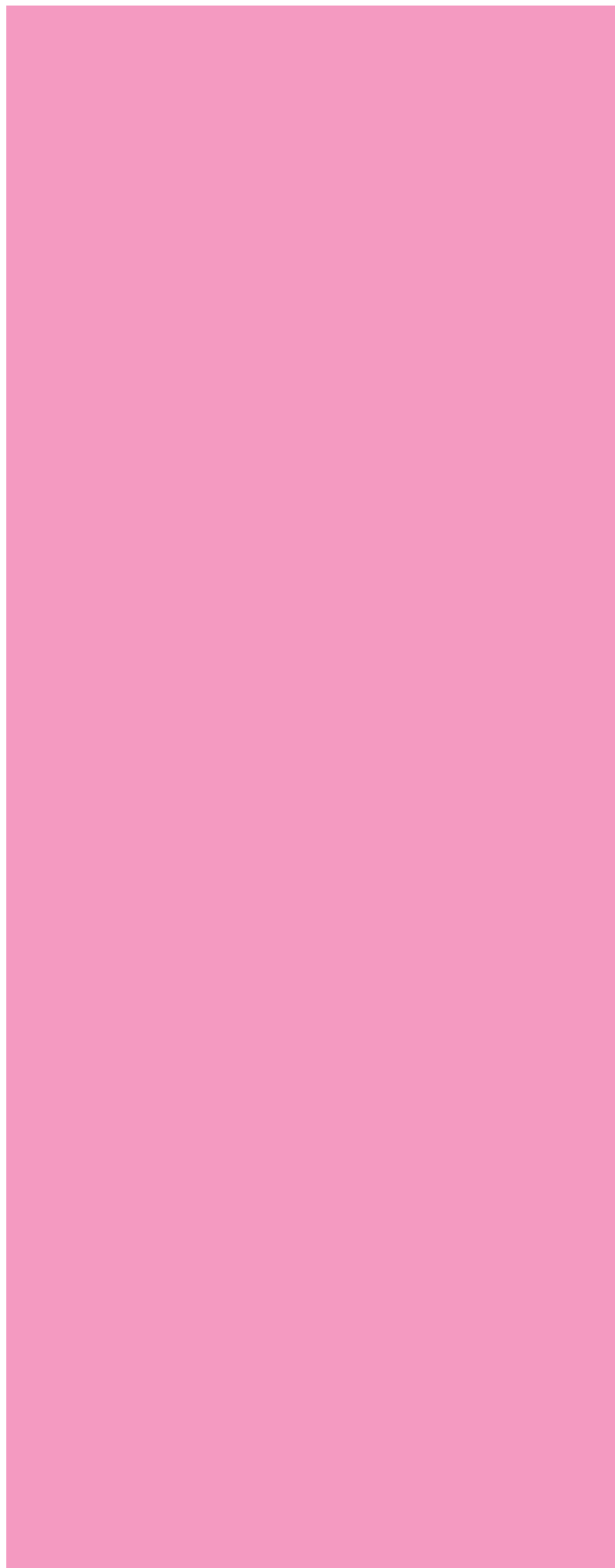
А тем временем обследования продолжались. В ЛОР НИИ им предложили сделать кохлеарную имплантацию. Захватывая тонкий слой черепа, в кожу головы рядом с ухом вживляют маленьких приемник, который соединен магнитом с микрофоном, расположенным в ушной раковине. Этот аппарат подходит и для тотально неслышащих людей. Тогда подобная методика не была широко известной, и они ничего про нее не знали. Слышали только, что это чуть ли не трепанация черепа и что у новшества есть второе неофициальное название «дырка в голове». Они познакомились с родителями, которые уже прошли через это, в течение нескольких месяцев наблюдали за прогрессом прооперированных детей и приняли решение тоже подать документы на операцию. Все, кто узнавали об их намерении, всплескивали руками, кричали «Изверги!» и даже не пытались понять, что это был единственный выход.

Операция была сделана. Это означало, что у Насти начинается новая жизнь. Нужно было заново учиться слушать, заново учиться говорить. Учиться говорить в пять с половиной лет. «Конечно, она смогла бы объяснить, что она хочет, но мы живем в мире, где обычные люди друг друга слушать не хотят, а когда человек с проблемами слуха начинает говорить и делает это не так, как мы, разбираться, что он сказал, никто не будет». Светлана была готова, к тому,

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем. Здесь может быть нереально большая под-

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем. Здесь может быть нереально большая подпись, которая объяснит (или намекнет) почему фото такое гигантское.

Искусство все побеждать

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочки горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восста-

новили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради получасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в себе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делаем. Можете навещать на выходных или забирать на каникулы». Этот вариант был абсолютно неприемлем и в тот же вечер Светлана с Дмитрием решили продать дом в области и переехать в город. Нужно было искать новый детский сад для Насти и новую школу для старшей дочери Иры.

Дмитрий с женой сидели с картой и смотрели, куда удобней ездить. В итоге получился сад на Черной речке и с сентября они начали туда ходить. Они ни разу не оставляли там Настю на ночь. Их спрашивали, зачем они каждое утро мучают ребенка ранними подъемами и бесконечным ожиданием в пробках. Но они уверены, что ребенок должен знать, что он нужен семье, и подрывать это доверие нельзя.

Когда у Насти начались проблемы, Ира видела, что что-то происходит, но родители ничего ей не говорили. И причину столь внезапного переезда не объясняли. Конечно, она обижалась, не хотела менять школу, оставлять друзей. Когда, наконец, нужно было объясниться, папа был на работе, и Светлане пришлось разговаривать с дочкой одной. Она сказала: «Понимаешь, пока не было Насти, мы общались только с

Искусство все побеждать

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочки горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради получасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в беседе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им

ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делают. Можете навещать на выходных или забирать на каникулы». Этот вариант был абсолютно неприемлем и в тот же вечер Светлана с Дмитрием решили продать дом в области и переехать в город. Нужно было искать новый детский сад для Насти и новую школу для старшей дочери Иры.

Дмитрий с женой сидели с картой и смотрели, куда удобней ездить. В итоге получился сад на Черной речке и с сентября они начали туда ходить. Они ни разу не оставляли там Настю на ночь. Их спрашивали, зачем они каждое утро мучают ребенка ранними подъемами и бесконечным ожиданием в пробках. Но они уверены, что ребенок должен знать, что он нужен семье, и подрывать это доверие нельзя.

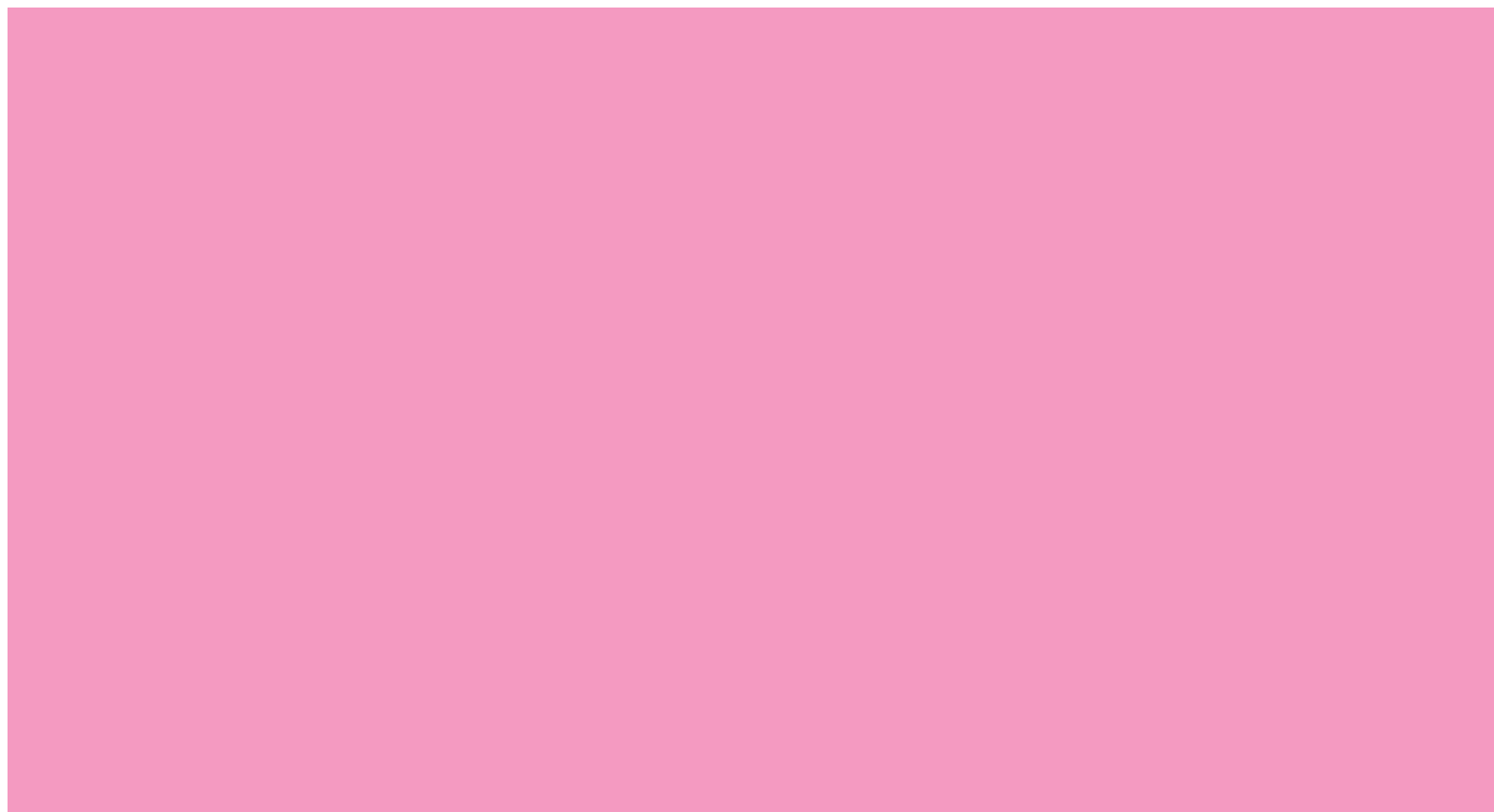
Когда у Насти начались проблемы, Ира видела, что что-то происходит, но родители ничего ей не говорили. И причину столь внезапного переезда не объясняли. Конечно, она обижалась, не хотела менять школу, оставлять друзей. Когда, наконец, нужно было объяснить, папа был на работе, и Светлане пришлось разговаривать с дочкой одной. Она сказала: «Понимаешь, пока не было Насти, мы общались только с тобой одной семь лет. А теперь у тебя есть сестра, и она хочет общаться со всеми нами. Сейчас ей нужно помочь. У нас два варианта: либо переехать, либо отдать ее в интернат». Ира в недоумении начала: «Как в интернат?» и через секунду очень уверенно спросила: «В какую школу я пойду?»

А тем временем обследования продолжались. В ЛОР НИИ им предложили сделать кохлеарную имплантацию. Захватывая тонкий слой черепа, в кожу головы рядом с ухом вживляют маленьких приемник, который соединен магнитом с микрофоном, расположенным в ушной раковине. Этот аппарат подходит и для тотально неслышащих людей. Тогда подобная методика не была широко известной, и они ничего про нее не знали. Слышали только, что это чуть ли не трепанация черепа и что у новшества есть второе неофициальное название «дырка в голове». Они познакомились с родителями, которые уже прошли через это, в течение нескольких месяцев наблюдали за прогрессом прооперированных детей и приняли решение тоже подать документы на операцию. Все, кто узнавали об их намерении, всплескивали руками, кричали «Изверги!» и даже не пытались понять, что это был единственный выход.

Операция была сделана. Это означало, что у Насти начинается новая жизнь. Нужно было заново учиться слушать, заново учиться говорить. Учиться говорить в пять с половиной лет. «Конечно, она смогла бы объяснить, что она хочет, но мы живем в мире, где обычные люди друг друга слушать не хотят, а когда человек с проблемами слуха начинает говорить и делает это не так, как мы, разбираться, что он сказал, никто не будет». Светлана была готова, к тому,

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем. Здесь может быть нереально большая подпись, которая объяснит (или намекнет) почему фото такое гигантское.

Несколько фото

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем. Здесь может быть нереально большая подпись, которая объяснит (или намекнет) почему фото такое гигантское.

Искусство все побеждать

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочки горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате

возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и обращившись. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеонаблюдению они с мужем восста-

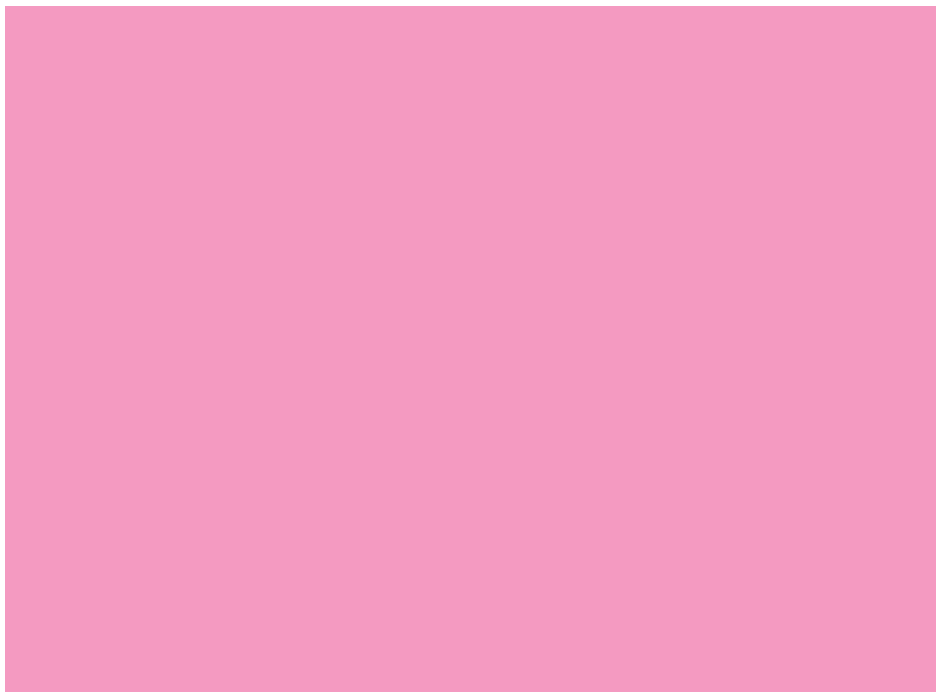
новили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради получасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в собесе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делают. Можете навещать на выходных или забирать на каникулы». Этот вариант был абсолютно неприемлем и в тот же вечер Светлана с Дмитрием ре-

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем. Здесь может быть нереально большая подпись, которая объяснит (или намекнет) почему фото такое гигантское.

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем. Здесь может быть нереально большая подпись, которая объяснит (или наметит) почему фото такое гигантское.

Искусство все побеждать

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочери горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась. Настя развивалась нормально, уже в год говорила

«мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеонаблюдению они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцать километров от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради получасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подали слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в собесе

дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делают. Можете навещать на выходных или забирать на каникулы». Этот вариант был абсолютно неприемлем и в тот же вечер Светлана с Дмитрием решили продать дом в области и переехать в город. Нужно было искать новый детский сад для Насти и новую школу для старшей дочери Иры.

Дмитрий с женой сидели с картой и смотрели, куда удобнее ездить. В итоге получился сад на Черной речке и с сентября они начали туда ходить. Они ни разу не оставляли там Настю на ночь. Их спрашивали, зачем они каждое утро мучают ребенка ранними подъемами и бесконечным ожиданием в пробках. Но они уверены, что ребенок должен знать, что он нужен семье, и подрывать это доверие нельзя.

Когда у Насти начались проблемы, Ира видела, что что-то происходит, но родители ничего ей не говорили. И причину столь внезапного переезда не объясняли. Конечно, она обижалась, не хотела менять школу, оставлять друзей. Когда, наконец, нужно было объясниться, папа был на работе, и Светлане пришлось разговаривать с дочкой одной. Она сказала: «Понимаешь, пока не было Насти, мы общались только с тобой одной семь лет. А теперь у тебя есть сестра, и она хочет

общаться со всеми нами. Сейчас ей нужно помочь. У нас два варианта: либо переехать, либо отдать ее в интернат». Ира в недоумении начала: «Как в интернат?» и через секунду очень уверенно спросила: «В какую школу я пойду?»

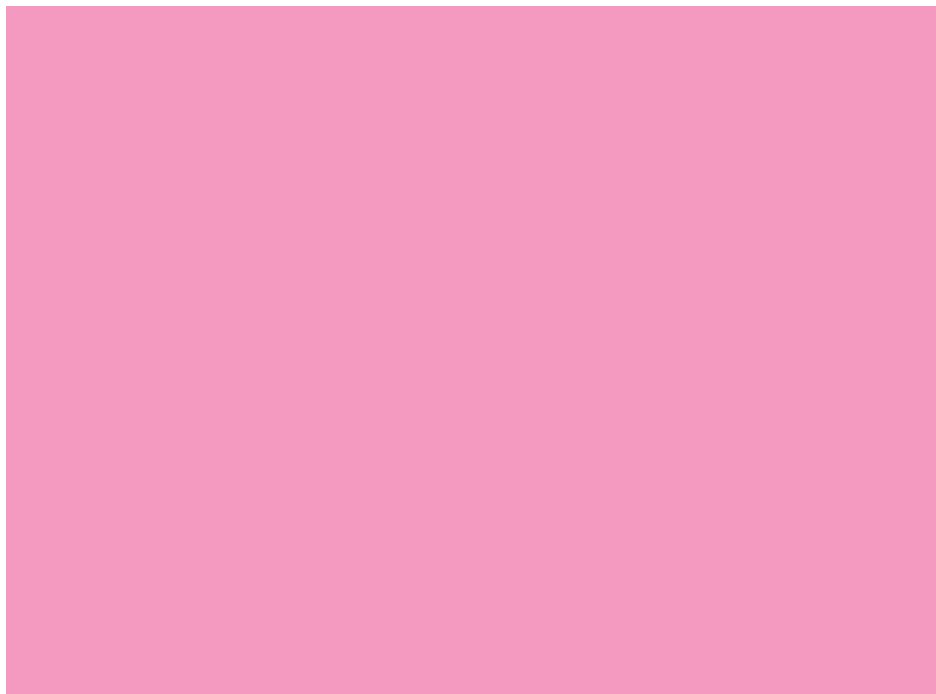
А тем временем обследование продолжались. В ЛОР НИИ им предложили сделать кохлеарную имплантацию. Захватывая тонкий слой черепа, в кожу головы рядом с ухом вживляют маленьких приемник, который соединен магнитом с микрофоном, расположенным в ушной раковине. Этот аппарат подходит и для totally неслышащих людей. Тогда подобная методика не была широко известной, и они ничего про нее не знали. Слышали только, что это чуть ли не трепанация черепа и что у новшества есть второе неофициальное название «дырка в голове». Они познакомились с родителями, которые уже прошли через это, в течение нескольких месяцев наблюдали за прогрессом прооперированных детей и приняли решение тоже подать документы на операцию. Все, кто узнавали об их намерении, всплескивали руками, кричали «Изверги!» и даже не пытались понять, что это был единственный выход.

Операция была сделана. Это означало, что у Насти начинается новая жизнь. Нужно было заново учиться слушать, заново учиться говорить. Учиться говорить в пять с половиной лет. «Конечно, она

смогла бы объяснить, что она хочет, но мы живем в мире, где обычные люди друг друга слушать не хотят, а когда человек с проблемами слуха начинает говорить и делает это не так, как мы, разбираться, что он сказал, никто не будет». Светлана была готова, к тому, что ей придется заниматься с дочкой каждый день. Она уверена, что перед тем, как решиться на операцию, родители должны задать себе вопрос: зачем им это? Если они хотят, чтобы ребенок мог общаться с людьми, если они готовы жертвовать собой, то имплантация, несомненно, поможет.

Потом снова начались проблемы с детским садом. Из этого пришлось уйти, потому что «с такими детьми они не работают», а в других удивлялись, как это маме пришла в голову идея обратиться к ним. Через некоторое время они смогли попасть в детский сад № 41, где Настя занимается и сейчас. Где работают опытные логопеды и воспитатели. На тот момент Настя не выговаривала многие звуки. С каждым месяцем речь становится все лучше, каждый день она узнает хотя бы пару новых слов. Каждое сказанное слово — результат огромной работы.

Вопросы «Как тебя зовут?» и «Назови, пожалуйста, свое имя» — для слабослышащего крайне несхожи. Если фраза построена на общепринятых выражениях, он сможет понять ее, стоит чуть усложнить — он будет вырывать из контекста знакомые слова, не более. Рус-

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем. Здесь может быть нереально большая подпись, которая объяснит (или намекнет) почему фото такое

Искусство все побеждать

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочери горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась. Настя развивалась нормально, уже в год говорила

«мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передались ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради получасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлана пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подали слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в беседе

дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делают. Можете навещать на выходных или забирать на каникулы». Этот вариант был абсолютно неприемлем и в тот же вечер Светлана с Дмитрием решили продать дом в области и переехать в город. Нужно было искать новый детский сад для Насти и новую школу для старшей дочери Иры.

Дмитрий с женой сидели с картой и смотрели, куда удобнее ездить. В итоге получился сад на Черной речке и с сентября они начали туда ходить. Они ни разу не оставляли там Настю на ночь. Их спрашивали, зачем они каждое утро мучают ребенка ранними подъемами и бесконечным ожиданием в пробках. Но они уверены, что ребенок должен знать, что он нужен семье, и подрывать это доверие нельзя.

Когда у Насти начались проблемы, Ира видела, что что-то происходит, но родители ничего ей не говорили. И причину столь внезапного переезда не объясняли. Конечно, она обижалась, не хотела менять школу, оставлять друзей. Когда, наконец, нужно было объясниться, папа был на работе, и Светлане пришлось разговаривать с дочкой одной. Она сказала: «Понимаешь, пока не было Насти, мы общались только с тобой одной семь лет. А теперь у тебя есть сестра, и она хочет

общаться со всеми нами. Сейчас ей нужно помочь. У нас два варианта: либо переехать, либо отдать ее в интернат». Ира в недоумении начала: «Как в интернат?» и через секунду очень уверенно спросила: «В какую школу я пойду?»

А тем временем обследование продолжались. В ЛОР НИИ им предложили сделать кохлеарную имплантацию. Захватывая тонкий слой черепа, в кожу головы рядом с ухом вживляют маленьких приемник, который соединен магнитом с микрофоном, расположенным в ушной раковине. Этот аппарат подходит и для totally неслышащих людей. Тогда подобная методика не была широко известной, и они ничего про нее не знали. Слышали только, что это чуть ли не трепанация черепа и что у новшества есть второе неофициальное название «дырка в голове». Они познакомились с родителями, которые уже прошли через это, в течение нескольких месяцев наблюдали за прогрессом прооперированных детей и приняли решение тоже подать документы на операцию. Все, кто узнавали об их намерении, всплескивали руками, кричали «Изверги!» и даже не пытались понять, что это был единственный выход.

Операция была сделана. Это означало, что у Насти начинается новая жизнь. Нужно было заново учиться слушать, заново учиться говорить. Учиться говорить в пять с половиной лет. «Конечно, она

смогла бы объяснить, что она хочет, но мы живем в мире, где обычные люди друг друга слушать не хотят, а когда человек с проблемами слуха начинает говорить и делает это не так, как мы, разбираться, что он сказал, никто не будет». Светлана была готова, к тому, что ей придется заниматься с дочкой каждый день. Она уверена, что перед тем, как решиться на операцию, родители должны задать себе вопрос: зачем им это? Если они хотят, чтобы ребенок мог общаться с людьми, если они готовы жертвовать собой, то имплантация, несомненно, поможет.

Потом снова начались проблемы с детским садом. Из этого пришлось уйти, потому что «с такими детьми они не работают», а в других удивлялись, как это маме пришла в голову идея обратиться к ним. Через некоторое время они смогли попасть в детский сад № 41, где Настя занимается и сейчас. Где работают опытные логопеды и воспитатели. На тот момент Настя не выговаривала многие звуки. С каждым месяцем речь становится все лучше, каждый день она узнает хотя бы пару новых слов. Каждое сказанное слово — результат огромной работы.

Вопросы «Как тебя зовут?» и «Назови, пожалуйста, свое имя» — для слабослышащего крайне несхожи. Если фраза построена на общепринятых выражениях, он сможет понять ее, стоит чуть усложнить — он будет вырывать из контекста знакомые слова, не более. Рус-

Несколько фото

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем. Здесь может быть нереально большая подпись, которая объяснит (или намекнет) почему фото такое гигантское.

Искусство все побеждать

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочери горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех

лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восстановили, что через две недели после вак-

цинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради полчасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в себе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делают. Можете навещать на выходных или забирать на каникулы». Этот вариант был абсолютно неприемлем и в тот же вечер Светлана с Дмитрием решили продать дом в об-

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем. Здесь может быть нереально

Кто съел кота и всех котят?

Растрезанных животных находят все чаще и чаще, мы постарались разобраться что происходит

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочери горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с на-

рушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги

считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради получасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в беседе дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делают. Можете навещать на выходных или забирать на каникулы». Этот вариант был абсолютно неприемлем и в тот же вечер Светлана с Дмитрием решили продать дом в области и переехать в город. Нужно было искать новый детский сад для Насти и новую школу для старшей дочери Иры.

Дмитрий с женой сидели с картой и

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем. Здесь может быть нереально большая под-

Подпись под фотографией набирается мень-

Кто съел кота и всех котят?

Растерзанных животных находят все чаще и чаще, мы постарались разобраться что происходит

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

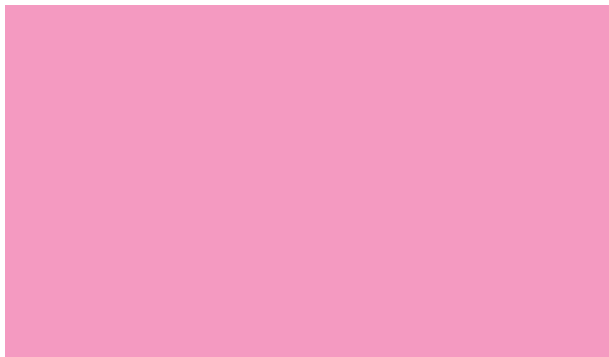
Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочки горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем. Здесь может быть нереально большая подпись, которая объяснит (или намекнет) почему фото такое гигантское.

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем. Здесь может быть нереально большая подпись, которая объяснит (или намекнет) почему фото такое гигантское.

Искусство побеждать

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочери горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате

возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восста-

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем. Здесь может быть нереально большая подпись, которая объяснит (или наметит) почему фото такое гигантское.

Искусство побеждать

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочки горящие глаза, от мамы — живая мимика и веселый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали:

«Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвестности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеонаблюдению они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться в причинах, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради получасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подарили слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в себе сами дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делают. Можете навещать на выходных или забирать на каникулы». Этот вариант был абсо-

лютно неприемлем и в тот же вечер Светлана с Дмитрием решили продать дом в области и переехать в город. Нужно было искать новый детский сад для Насти и новую школу для старшей дочери Иры.

Дмитрий с женой сидели с картой и смотрели, куда удобнее ехать. В итоге получился сад на Черной речке и с сентября они начали туда ходить. Они ни разу не оставляли там Настю на ночь. Их спрашивали, зачем они каждое утро мучают ребенка ранними подъемами и бесконечным ожиданием в пробках. Но они уверены, что ребенок должен знать, что он нужен семье, и подрывать это доверие нельзя.

Когда у Насти начались проблемы, Ира видела, что что-то происходит, но родители ничего ей не говорили. И причину столь внезапного переезда не объясняли. Конечно, она обижалась, не хотела менять школу, оставлять друзей. Когда, наконец, нужно было объясниться, папа был на работе, и Светлане пришлось разговаривать с дочкой одной. Она сказала: «Понимаешь, пока не было Насти, мы общались только с тобой одной семь лет. А теперь у тебя есть сестра, и она хочет общаться со всеми нами. Сейчас ей нужно помочь. У нас два варианта: либо переехать, либо отдать ее в интернат». Ира в недоумении начала: «Как в интернат?» и через секунду очень уверенно спросила: «В какую школу я пойду?»

А тем временем обследования продолжались. В ЛОР НИИ им предложили сделать кохлеарную имплантацию. Захватывая тонкий слой черепа,

в кожу головы рядом с ухом вживляют маленьких приемник, который соединен магнитом с микрофоном, расположенным в ушной раковине. Этот аппарат подходит и для totally неслышащих людей. Тогда подобная методика не была широко известной, и они ничего про нее не знали. Слышали только, что это чуть ли не трепанация черепа и что у новшества есть второе неофициальное название «дырка в голове». Они познакомились с родителями, которые уже прошли через это, в течение нескольких месяцев наблюдали за прогрессом прооперированных детей и приняли решение тоже подать документы на операцию. Все, кто узнавали об их намерении, всплескивали руками, кричали «Изверги!» и даже не пытались понять, что это был единственный выход.

Операция была сделана. Это означало, что у Насти начинается новая жизнь. Нужно было заново учиться слушать, заново учиться говорить. Учиться говорить в пять с половиной лет. «Конечно, она смогла бы объяснить, что она хочет, но мы живем в мире, где обычные люди друг друга слушать не хотят, а когда человек с проблемами слуха начинает говорить и делает это не так, как мы, разбираться, что он сказал, никто не будет». Светлана была готова, к тому, что ей придется заниматься с дочкой каждый день. Она уверена, что перед тем, как решиться на операцию, родители должны задать себе вопрос: зачем им это? Если они хотят, чтобы ребенок мог общаться с людьми, если они готовы жертвовать

собой, то имплантация, несомненно, поможет.

Потом снова начались проблемы с детским садом. Из этого пришлось уйти, потому что «с такими детьми они не работают», а в других удивлялись, как это маме пришла в голову идея обратиться к ним. Через некоторое время они смогли попасть в детский сад № 41, где Настя занимается и сейчас. Где работают опытные логопеды и воспитатели. На тот момент Настя не выговаривала многие звуки. С каждым месяцем речь становится все лучше, каждый день она узнает хотя бы пару новых слов. Каждое сказанное слово — результат огромной работы.

Вопросы «Как тебя зовут?» и «Назови, пожалуйста, свое имя» — для слабослышащего крайне несхожи. Если фраза построена на общепринятых выражениях, он сможет понять ее, стоит чуть усложнить — он будет вырывать из контекста знакомые слова, не более. Русский язык очень не прост, для таких детей он преподается как иностранный. Все распределяется по темам: дом, квартира, семья, еда, животные, одежда. Еще есть интересная методика по изучению букв — тактильная азбука — каждой букве присваивается определенное движение.

«Она часто проглатывает окончания, путает склонения, части речи. «Папа пришла». Папа девочка? «Нет. Папа пришел». Она очень торопится, и получается каша, нужно постоянно останавливать ее и просить говорить медленнее. Когда думает, что говорит, то уже нормально. Ира говорит быстро и младшая пытается

Искусство побеждать

Тут идет классный заголовок, который расскажет обо всем

«Мы очень долго ждали Настю, планировали, как в три года она пойдет в детский садик, после — какую выберем школу, кем она станет, когда вырастет. По нашим расчетам, она должна была в этом году заканчивать первый класс. Не сложилось. Нам преподали урок: нельзя ничего загадывать».

Меня предупреждали, что родители, у которых дети с нарушениями — очень закрытые, и я была очень удивлена, когда в телефонной трубке услышала «Да, Анечка, давайте встретимся». Не ожидала я так же, что на встречу придет и муж — обычно отцы принимают не очень большое участие в семейных делах. Передо мной сидят Дьячковы Светлана и Дмитрий. Она — мягкая, очень женственная, в больших глазах видна огромная сила. Он — спокойный, твердый, его уверенность наверняка — опора жены. От папы у их дочки горящие глаза, от мамы — живая мимика и весе-

лый смех. Как-то я заходила в интегративный детский сад, где учится девочка. Вокруг стола в большой игровой комнате возятся дети, неважно, трех лет или уже поступающие в школу, с нарушениями или здоровые — все вместе. Настя в центре этой кутерьмы — ее выдает громкий смех. Кто-то постоянно у нее что-то спрашивает, предлагает новую игру — не было ни одного человека, которому бы она не улыбнулась.

Настя развивалась нормально, уже в год говорила «мама-папа». Потом ее речь вдруг стала непонятной, на свое имя девочка отзывалась через раз. Врачи успокаивали: «Замедленное развитие речи. А не откликается, потому что увлечена игрой». Она чувствовала вибрации на полу, когда кто-то входил, и оборачивалась. Видела, что делают ребята в группе, и делала то же самое. До трех лет никто не мог распознать болезнь. Наконец, после бесконечных обследований и мучительной неизвест-

ности, в ЛОР НИИ смогли поставить диагноз — четвертая степень тугоухости. Передавалось ли заболевание генетически, или это было осложнением от прививки, Светлана не знает. Но по домашнему видеоархиву они с мужем восстановили, что через две недели после вакцинации Настя перестала говорить и реагировать на слова родителей. Супруги считают, что нет смысла разбираться с причинами, а нужно бороться с тем, что есть сейчас.

Они жили в одиннадцати километрах от Санкт-Петербурга и почти каждый день ездили по два часа в один конец в сурдоцентр ради получасовых занятий с ребенком и двадцатиминутной консультации для родителей. Там Настю учили реагировать на внезапно раздающиеся резкие звуки. Дмитрий работал два через два, Светлане пришлось работу оставить, чтобы постоянно быть с дочкой.

На три года Насте подали слуховой аппарат. Покупали за свои деньги, в собесе-

дали отличный совет — «Рассчитывайте на себя». Когда супруги спросили, как быть с садиком и школой, им ответили: «Отдавайте в интернат. А чего вы переживаете, все так делают. Можете навещать на выходные или забирать на каникулы». Этот вариант был абсолютно неприемлем и в тот же вечер Светлана с Дмитрием решили продать дом в области и переехать в город. Нужно было искать новый детский сад для Насти и новую школу для старшей дочери Иры.

Дмитрий с женой сидели с картой и смотрели, куда удобнее ездить. В итоге получился сад на Черной речке и с сентября они начали туда ходить. Они ни разу не оставляли там Настю на ночь. Их спрашивали, зачем они каждое утро мучают ребенка ранними подъемами и бесконечным ожиданием в пробках. Но они уверены, что ребенок должен знать, что он нужен семье, и подрывать это доверие нельзя.

Когда у Насти начались про-

блемы, Ира видела, что что-то происходит, но родители ничего ей не говорили. И причину столь внезапного переезда не объясняли. Конечно, она обижалась, не хотела менять школу, оставлять друзей. Когда, наконец, нужно было объясниться, папа был на работе, и Светлане пришлось разговаривать с дочкой одной. Она сказала: «Понимаешь, пока не было Насти, мы общались только с тобой одной семь лет. А теперь у тебя есть сестра, и она хочет общаться со всеми нами. Сейчас ей нужно помочь. У нас два варианта: либо переехать, либо отдать ее в интернат». Ира в недоумении начала: «Как в интернат?» и через секунду очень уверенно спросила: «В какую школу я пойду?»

А тем временем обследования продолжались. В ЛОР НИИ им предложили сделать кохлеарную имплантацию. Захватывая тонкий слой черепа, в кожу головы рядом с ухом вживляют маленьких прием-

Подпись под фотографией набирается меньшим кеглем. Здесь может быть реально большая подпись, которая объяснит (или намекнет) почему фото такое гигантское.